

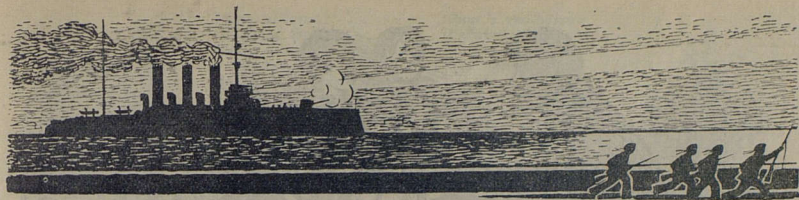
ПИОНЕР

На Ленинских горах, в Москве, строится прекрасное высотное здание Московского государственного университета. В 1952 году здесь уже будут заниматься студенты.

Фото С. Карасёва

ПОД ЗНАМЕНОМ ОКТЯБРЯ

Тридцать три года назад залп «Авро-ры» возвестил миру начало новой эры в истории человечества. Свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Руководимые партией Ленина — Сталина рабочие и крестьяне нашей страны взяли власть в свои руки, создали первое в мире государство трудящихся и под красным советским знаменем смело пошли вперёд, к светлому будущему, к коммунизму.

И вот сегодня, подводя итоги великих побед, советский народ с заслуженной гордостью оглядывается назад, с радостной надеждой смотрит вперёд.

Октябрьская революция освободила могучие силы, таившиеся в народе. Умело направленные партией большевиков, эти силы сделали чудеса. За короткий срок наша страна из отсталой, нищей, полуголодной превратилась в богатейшую, цветущую, могучую державу, страну самой передовой, самой мощной техники.

Невиданными темпами двигался наш народ вперёд по пути, указанному партией. И вдруг грянула война. Мечтавшие о мировом господстве гитлеровцы, поработавшие Европу, напали на нашу страну, и тут в смертельной схватке с фашизмом с новой силой обнаружилась мощь нашего советского многонационального государства, единство и сила нашего народа.

Советский народ, беззаветно преданный Родине, партии, с оружием в руках встал на защиту завоеваний Октября, разгромил фашистских захватчиков и принёс народам Европы мир и свободу.

Залечив тяжёлые раны, нанесённые войной, героический советский народ под знаменем Октября семимильными шагами пошёл дальше, вперёд, к новым победам.

Тридцать третья годовщина Октября застаёт нас на пороге новых великих дел.

Силы советского народа направлены сейчас на претворение в жизнь великих планов, начертанных товарищем Сталиным. Новые могучие электростанции, самые мощные в мире, скоро поднимутся в Куйбышеве, в Сталинграде и в Каховке. Новые каналы прорежут бесплодные земли, чтобы превратить в поля и сады пустыни Туркмении, степи Южной Украины и Северного Крыма...

С невиданным подъёмом работает народ на этих стройках. И каждая тонна вынуженной земли, каждый кубометр уложенного бетона, каждая машина, созданная для новых сталинских строек, приближают нас к коммунизму. Многие из вас ещё не закончат школу, а новые электростанции уже дадут промышленности и сельскому хозяйству миллиарды киловатт-часов дешёвой электроэнергии, новые поля уже принесут обильные урожаи на радость нашему народу. Могущественная советская держава станет ещё могущественнее, советский народ — ещё счастливее.

Радостным созидательным трудом встречает миролюбивый советский народ свой праздник.

Американские и английские империалисты грозят человечеству новой войной. Они готовят атомные бомбы, они хотят залить землю кровью, они мечтают о мировом господстве. Их замыслам не суждено сбыться. Фронт мира ширится и крепнет с каждым днём. В авангарде великой армии борцов за мир идёт советский народ. Советский Союз несокрушимо стоит на страже мира.

Все честные люди на всей земле с надеждой смотрят вперёд и верят в победу дела мира, потому что знаменосцем мира является вождь и учитель всего передового человечества, самый мудрый человек на земле — великий Сталин.

БАЛЛАДА ОБ ОКТЯБРЕ

Елена Благинина

Рисунки В. Цельмера

Холод надвинулся,
Жгуч и суров...
Не было хлеба,
Не было дров.

Не было соли —
Без соли — беда!
Не было угля —
Водить поезда.

Не было света —
Ложись дотемна!
Были болезни,
Разор и война.

Белые банды
Сжимали кольцо,
Белые вьюги
Глядели в лицо.

Но, отходя
За напастью напасть,
Крепко боролись
Советы за власть.

Ленин великий
В московском Кремле
Вёл эту битву
За жизнь на земле.

Сталин, товарищ
Его боевой,
Вёл в эту битву
Народ трудовой.

И занимался,
Всё пуще горя,
Жаркий и ясный
Рассвет Октября.

Жил в это время
Один человек.
Тихий, как вечер,
Чистый, как снег.

Весь нараспашку,
Весь на виду,
Предан отчизне своей
И труду.

Пятеро было
Детей у него.

...Скажет жене:
— Нет у нас ничего!
Что мы ребятам-то
Завтра дадим?

Он отвечает:
— Там поглядим!

Смотришь, притащит
Немного муки:
— Вот тебе, мамка,
Хозяйству, пеки!

Тесно ребята
Обступят отца,
Он их усадит
У каганца,
Сядет с цыгаркой
И сам на скамью:

— Слушайте, дети,
Сказку мою.

Холодно вам, дорогие,
Темно.
Ветер сердито
Стучится в окно.

Нет у вас хлеба,
Не то что конфет.
Да и одёжки
Порядочной нет.

Только всё это
Неважно, друзья...

...Тут начинается
Сказка моя.

Время уйдёт,
Как уходит вода.
Скоро от белых
Не будет следа.

Скоро рабочий
Простой человек
Станет хозяином
Счастья навек.

Всей нашей русской
Природы краса:
Реки и пашни,
Луга и леса —
Стрнут его,
И мои, и твои.
Вот почему
Так грохочут бои.

Время придёт —
И для вас, сорванцов,
Сколько настроят
Высоких дворцов!

Светлые комнаты,
Яркий паркет.
В комнатах этих
Чего только нет!

Разные птицы —
Синицы, чижи;
Глобусы, книги,
Станки, чертежи.

Школы хорошие
Будут у вас.
Утром вы входите
В солнечный класс:
Чистые парты,
На окнах цветы.

Школьники тоже
Опрятны, чисты

Книг у вас будет,
Ребятки, не счесть!
Жизни не хватит
Все перечесать.

Елки зажгутся —
Ну, чудеса!
Тут тебе заяц,
Медведь и лиса.

Тут и Снегурка,
И добрый Мороз...
(Нынче-то злой,
Пробирает до слёз!)

Летом поедете
К синим морям...

— Папа! Всё это
Готовится нам!
Но ведь большие
Мы будем тогда!

— Что ж тут такого,
Какая беда?

Ваши детишки
Из школы придут,
Сядут к огню,
Разговор заведут.

Вы и расскажете
Всё, что сейчас
Я рассказал,
Дорогие, для вас.

А рассказал я,
Ребята, не зря:
Знайте, вы тоже
Бойцы Октября.

Ваше оружие —
Книжки, тетрадь.
Надо учиться,
Чтоб ленинцем стать,

Чтобы народов
Союз молодой,
Креп и мужал
Под советской звездой!

Рассказы о Пакистане

Николай Тихонов

Рисунки Г. Филипповского

В прошлом году мне довелось совершить поездку в Пакистан: проехать от Хайберского прохода на севере до Карачи на юге, иначе говоря, от Сулеймановых гор до берегов Аравийского моря.

В 1947 году Индия разделилась на два государства: Собственно Индостан и Пакистан. Пакистан составился из провинций Индии, населённых преимущественно мусульманами: части Бенгалии, части Пенджаба, так называемой Северо-западной провинции, Синда, Белуджистана и части Ассамы.

Много необычного, на наш взгляд просто удивительного, видели мы в Пакистане. И климат не похож на наш, и люди не похожи. А уж как живёт там простой народ, так это ни на что не похоже — до того плохо и голодно! Англичане и американцы чувствуют себя там до сих пор, как в колонии, и туземцев презирают как низшую расу.

Маленькие пакистанские рассказы — это беглые зарисовки бытовых картинок, которые пришлось наблюдать мне своими глазами.

НОЧНОЙ ВЪЕЗД В ЛАХОР

Целый день мы ехали по длинным, жарким, пыльным дорогам, стремясь добраться за светом до Лахора. Наступал вечер, мы торо-

пились, и всё-таки темнота застала нас в пути.

Скоро мы уже с трудом различали мелькавшие по сторонам деревянные дома, за окнами машины всё стало тонуть в синеватом сумраке. Изредка по краям дороги вставали высокие силуэты величественных деревьев, точно вырезанные из чёрного железа.

Изредка белым светом между деревьями резко светила река, потом наступал полный мрак. Мы проезжали густые рощи, выехали на перекрёстки, где толпились быки с широкими витыми рогами, фыркали лошади и гудели грузовики, накрытые брезентом.

Потом наступило какое-то безмолвие, точно мы погрузились на дно чёрной реки и мчимся в подводном царстве неизвестно куда. Усталые глаза закрывались сами собой.

Внезапно за поворотом дороги на нас хлынуло столько света и шума, что мы широко раскрыли глаза. Мы въехали в небывалый город, город, придуманный фантазией восточного сказочника.

Сначала в этом месиве разнообразных огней мы ничего не могли рассмотреть. Потом, когда глаз привык к красным, синим, зелёным, жёлтым огням, мы увидели, что едем улицами, где соломенные навесы, глиняные стены, причудливые колонны, выступы балконов,

башенки, шалаша, арки, минареты, хижины, мечети свалились с огромными деревьями, уходящими тёмными кронами в бархатное небо, на котором горели звёзды, не похожие на наши.

На фоне этих деревьев белели какие-то постройки, похожие на дворцы джинов из тысячи и одной ночи. Вокруг нас кипела жизнь, пёстрые, как маскарад. Цветные фонарики освещали лотки со связками бананов, пёстрые ковры, тюки с хлопком, блестящие громадные самовары в чайханах, потоки ярких материй в лавках, где восседали толстые купцы в чамаках, концы которых, кокетливо поднятые, застыли в воздухе белыми накрамелеными гребешками.

В их лавках прямо на полу горели маленькие костры. Запахи самые непонятные: едко-кислые, тягуче-сладкие, горьковато-пригорные — щекогаи горю. Там пекали, варили и жарили какие-то волшебные кушанья.

Казалось совершенно непонятным, как пробирались машины среди множества людей, одетых, полуодетых и почти голых, среди толков, наваленных на улице, караванов верблюдов, колясок с пёстро убранными лошадьми. На головах лошадей красовались разноцветные суатаны, разноцветные ленты были виланы в гривы. Экипажи с неестественно громадными колёсами были украшены пучками цветов и сияли, как реклама цирка.

Звон, стук, крик, возгласы продавцов воды, торговцев, торгующихся с покупателями, сигналы автобусов, звонки велосипедистов совершенно оглушали нас, и всё это ночное столпотворение казалось сном, а не реальной картиной.

На велосипедах сидели сразу по три человека. Один сидел посредине, так, как принято обычно при езде на велосипеде, второй помещался сзади, как на мотоцикле, а третий, сохраняя полное равновесие, совершенно непонятным образом держался рядом с рулём, причём все трое на ходу вели оживлённый разговор; сотни велосипедистов, ныряя между прохожими и неистово звоня, носились по улице, как будто гонялись друг за другом.

Большая бронзовая пушка на постаменте возвышалась посреди улицы, на которой регулировщики в трусах защитного цвета стояли на круглых бетонных площадках.

Это был не простой город, а видение сказочного, богатого мира, где живут красивые, сытые, здоровые, счастливые люди, которым доставляет огромное удовольствие толкаться по базару и покупать себе всё, что заблагорасудится.

Мы подкатили к отелю, сверкавшему множеством ярко освещённых окон.

...Роскошная картина ночного Лахора ещё жила в наших глазах, когда мы после ужина вышли немного пройтись по улице перед сном. Через сто шагов я чуть не наступил на лежащего у дороги человека. Он был почти гол и настолько худ, что про него смело можно было сказать: кожа и кости. Он лежал, чуть вздрагивая и говоря хрипло: «Аллах, Аллах!»

— Что это такое? — спросил я у местного человека.

— Это голод, — отвечал лахорец. — Он умирает с голоду и призывает Аллаха, так как больше ему некого призывать. У нас в стране всегда голод. Как говорят англичане, голод — одно из учреждений государственного порядка и в Пакистане и в Индостане.

Через двести шагов я увидел десятки людей, лежавших на земле, накрывшись простынями. Они походили на мертвецов, потому что лежали совершенно неподвижно, все в беом.

— А это что такое? — спросил я снова, недоумевая.

— Это люди, которые не имеют крыши над головой. Они спят на голой земле. Таких в Пакистане миллионы...

— Да, — сказала я, — ночной Лахор действительно город сказки, но эта сказка вблизи — довольно мрачная сказка...

ЗАВОЕВАТЕЛЬ

Этому американскому мальчишке в коротких штанах было лет двенадцать. Его мамаша и папаша сидели за вечерним чаем в салоне пешаварской гостиницы и вели вялую беседу со знакомым чиновником, старым англичанином, знавшим всю Индию вдоль и поперёк.

Папаша только что приехал из Афганистана, который тут близко, и рассказывал о том, что он видел на дороге из Кабула в Пешавар. Англичанин жаловался на худые времена, на то, что дикари, как он называл пакистанцев, подняли голову. Папаша ругал афганцев за грубое невнимание к нему, американцу, за афганскую заносчивость и гордость, как он сказал, первобытных людей.

Мальчишка слушал, слушал и вдруг сказал:

— Папа, а всё-таки мы всё можем, потому что мы всех сильнее, и эти дикари боятся нас, правда? Наш шофёр всегда кланяется мне в пояс, — а он пакистанец, — потому что он знает, что сильнее американцев нет никого на свете...

Англичанин взглянул на мальчишку оловянными глазами, мамаша вздохнула, американец заткнулся покрепче, синий дым пошёл из трубки к потолку, потом он сказал:

— Иди, Гарри, погуляй по двору немного.

Гарри понял, что ему предложено покинуть компанию. Он выбежал на двор, посреди которого стояли машины и у машин шофёры тихо говорили о своих делах. Так как они говорили на урду, на языке, которого Гарри не понимал, он начал, посвистывая, ходить среди машин, не вступая в разговор.

Он был начитанный мальчик и уже прочёл

Я чуть не наступил на лежащего у дороги человека...

Англичанин жаловался на худые времена, на то, что дикари, как он называл пакистанцев, подняли голову...

много романов со всякими ужасами, страшными пытками, которым подвергают бандиты захваченных пленников. И во всех романах с приключениями дикари трепетали перед ловкими и сильными американцами, которые делали всё, что им захочется. Напрасно папа был так строг сейчас, когда Гарри вступил в разговор. Конечно, он сильнее всех этих туземцев.

И Гарри нравилось смотреть на высоких тихих людей, одетых в белые куртки и широкие штаны, с белыми повязками на головах и чувствовать, что хотя он мальчик, а они великаны, но они трепещут перед ним и готовы выполнить любое его желание.

Гарри рассматривал машины. К иным машинам были прикреплены деревянные фигурки, цветные ленточки, висевшие над головой шофёра. Гарри знал, что это амулеты, которые приносят счастье. Это было как в тех романах, где сыщики, бандиты, дикари, пираты и приключения в разных диких краях.

Вдруг он увидел машину, у которой сбоку был прикреплен маленький флажок. Такого флажка он ещё не видел на машинах. Он подошёл ближе и стал рассматривать флажок. Шофёр читал книгу и не смотрел на него. Гарри вглядывался во флажок, стараясь рассмотреть, что на нём изображено. Тут он свистнул и подскочил на месте. На флажке был изображён серп и молот и над ними — звезда. Это была советская машина.

Шофёр посмотрел на него подозрительно, положив книгу на сиденье.

— Коммунисты! Советы! — закричал Гарри. Пакистанские шофёры стояли рядом, и его шофёр тоже смотрел на него. Гарри понял,

что он сейчас им всем покажет, как он смел и как никто не может ему прекословить.

— Коммунисты здесь! — закричал он, прыгнул к флажку и протянул руку, чтобы сорвать этот флажок и принести его папе как трофей. Это здорово придумено! Про этих страшных людей из Москвы, которых боятся папа и мама, он уже много слышал и читал. Теперь он покажет, на что он способен. Это будет урок для всех этих туземцев, которые осмеливаются, как сказал англичанин, поднять голову.

Но в эту минуту советский шофёр, говоривший понемногу и на пушту и на урду, сказал громко шофёрам:

— Уберите этого щенка или я сам вылезу! Он сказал это так спокойно и решительно, что, не поняв, что он сказал, Гарри всё-таки невольно остановился. Но тут же он покраснел от досады за своё промедление и схватил флажок цепкими пальцами.

В это мгновение чья-то сильная рука подняла его над землёй, и он забарахтался в воздухе. Потом эта же рука поставила его на землю уже в нескольких шагах от машины. Задыхаясь от бешенства, он огляделся. Вокруг стояли высокие люди с худыми, коричневыми лицами и молча смотрели на него. Он увидел, что они действительно, как великаны, громадные и от их былого заискивания перед ним не осталось и следа. Его шофёр исчез, как будто его никогда и не было.

Гарри смотрел то на насмешливо улыбающегося советского шофёра, то на этих тихих великанов, мрачных и молчаливых. Он хотел догадаться, который из них держал его за шиворот, но на этих лицах, одинаково хо-

лодных, он не мог ничего прочесть. Он шагнул нерешительно. Люди раступились. Он прошёл ещё шаг, шатаясь, точно под ним волновалась земля, и вдруг побежал со всех ног к гостинице, где его родители ещё допивали чёрный цейлонский чай.

Дружный смех шофёров, как ветер, дунул ему в спину. Советский шофёр вышел из кабины и сказал, показывая ему вслепую:

— Тотже завоеватель!

Мальчишка ворвался в салон и сел в угол. Потом, выждав, когда наступила пауза в разговоре, сказал, покраснев до ушей:

— Папа, нашего шофёра надо прогнать...

— Почему? Что он сделал? — спросил папаша, выколачивая трубку о пепельницу.

— Он ничего не сделал, но он... он тоже поднял голову! Как те пакистанцы, о которых говорил мистер Гроу сегодня за чаем!

— О! Ты мне об этом расскажешь после, это серьёзно, — сказал папаша. — Ты молодец, из тебя выйдет настоящий завоеватель.

«ВЕЛИКИЙ КУРЬЁЗ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Каждое утро, умывшись и одевшись, мы проходили по широкой террасе, спускались по узкой лестнице во двор и шли или под навесом или по двору в ресторан нашего отеля завтракать.

И каждое утро из-за колонны выходил один и тот же человек и назойливо махал перед нашими глазами визитной карточкой огромного размера. Карточка была вся исписана разными шрифтами.

Так как он делал это молча, мы тоже молчали и только коротким движением руки давали ему понять, что в разговор вступать не намерены.

Человек этот был плохо выбрит, на нём был старый, засаленный пиджак, бархатная жилетка, длинные стоптанные туфли на ногах. Рука его, державшая визитную карточку, была исчерчена синими жилами, на пальцах блесла огромные кольца с фальшивыми камнями. И весь он был какой-то фальшивый и изломанный, противный и грязный.

Почему мы с ним не заговаривали? Потому что стоило только остановиться или спросить у него что-нибудь по поводу его огромной визитной карточки, как это стоило бы нам рупию, а то и две. Такие джентльмены даром время не теряют.

Вот почему каждое утро мы отбрасывали его с дороги коротким лёгким жестом, и он покорно отступал. Потом он пригладывал к нам и уже при нашем появлении не выходил из-за колонны, за которой, как тигр, караулил свои жертвы.

Но всё же из любопытства я попробовал на ходу прочесть хоть самую большую надпись на середине карточки. Там было написано: «Я великий курьёз нашего времени».

Мы спросили у друзей, что это значит и кто этот загадочный человек. Нам сказали:

— Никакой загадки нет. Это шарлатан, который предсказывает на разных цветных картинках будущее, гадает по руке и показывает фокусы. А сам себя для рекламы называет «великим курьёзом нашего времени». Правильно что вы не вступаете с ним в разговор. С ним не надо разговаривать.

«Великий курьёз нашего времени», повидимому, всё-таки не-нет да ловил доверчивых людей, потому что его походка и наглое лицо выражали временами полное удовлетворение самим собой и своими успехами.

Однажды утром, за завтраком, в ресторанном зале мы обнаружили новых приезжих. За дальним столиком в том молчании, в каком любят завтракать европейцы в Индии, сидел маленького роста человек в военном френче без погон и без всяких знаков отличия. С ним сидела толстая маленькая женщина с покрасневшими от слёз узкими глазами, а напротив них сидела девочка и мальчик, повидимому, брат и сестра.

Детям ужасно хотелось нарушить молчаливый завтрак, поиграть ложкой или вилок, но строгий взгляд отца и укоризненный матери сейчас же направлялся на них, и руки покорно опускались.

Иногда маленькая женщина начинала тихо, но быстро говорить им что-то очень серьёзное, от чего девочка и мальчик ещё больше съёживались.

— Это китайский генерал, гоминдановец, чанкайшиский генерал, — сказала нам слуга. — Побитый. — добавил он. — Их тут много бежит последнее время. Они бегут из Синцзяня. Кто побогаче, на самолёте, кто на машинах, а кто и на верблюде и на чём можно. Вот этому не повезало. Всё, что там награбили, всё пришлось оставить и бежать налегке. Жена говорит: «Уже третий раз от красных бежим. Куда бежать дальше, не знаем». Все ночи плачет, что много богатства потеряли. Вон у неё какие глаза красные!

Слуга-пакистанец говорил это не только без всякой тени сожаления, но даже с большим удовольствием.

Китайский генерал вечером, после обеда, выходил в соседний зал, где топили крошечные каминчики по случаю зимы, и сидел в кресле. Он сидел, всматриваясь в пламя, а его жена сушила свой платок на маленьком огне. Дрова, привезённые с гор, смолистые и крепкие, трещали, и угольки летели в стороны.

Слуга, проходивший мимо, мельком взглянул на них, усмехнулся и сказал:

— Так им и надо. Плохие люди — свой народ их выгнал...

Как-то утром мы направлялись завтракать. И хотя по расписанию полагалось быть зиме, но краски и свежесть воздуха были на наш взгляд, почти весенние. Однако местные жители кутались в одеяла, которые им заменяют шубы, и проходили быстро, стараясь согреться на ходу.

Мы позавтракали и возвращались по двору. В креслах, плетённых из разноцветной соломки, сидели сухие англичанки и вязали джемпера, пока мужья их заседали в банках и министерствах. Белозубые мальчишки гонялись друг за другом на улице. Всё было обыкновенно. И вдруг мы увидели необыкновенное.

Между колонн стоял круглый стол. За ним сидел гоминдановский генерал. Положив локти на стол, он смотрел широко раскрытыми глазами на красные, синие, зелёные картинки, которые с ловкостью настоящего

Гоминдановский генерал смотрел широко раскрытыми глазами на картинки, которые раскидывал перед ним «великий курьёз нашего времени»...

волшебника раскидывал перед ним «великий курьёз нашего времени».

Жена генерала сложила свои маленькие пухлые ручки, и её узкие глаза впились в шарлатана, размахивавшего рукой и что-то говорившего тонким и тихим голосом. Девочка и мальчик, как зачарованные, следили за полётом по столу чудесных картинок. Они сидели, как в театре, положив, как по команде, пальцы в рот.

В тишине утра только скрипел голос «великого курьёза». Он стоял во весь рост, и его длинная фигура изгибалась, как будто он дирижировал оркестром. Его руки проносились то полные картинок, которые всё время меняли положение на столе, то пустые взлетали в воздух, и пальцы корчились, как ястребиные когти. Они вонзались в картинки, перевёртывали, перекладывали их, поднимали их вверх, и казалось, что, взмахнув рукой, он вынимает новую серию картинок просто из воздуха.

Шарлатан брал деньги недаром: представление было хоть куда. Мы стояли и смотрели из-за колонны. Неслышно подошёл слуга с подносом, на котором лежали сигареты и стола кофейник и две синие чашки. Он задержался, чтобы осторожно проскользнуть между нами, взглянула на шарлатана и генерала и шепнула, усмехнувшись:

— Гадает генералу, куда бежать дальше. А тот верит. И как не верить — последняя надежда!

И он проскочил дальше с подносом, ловкий и чёрный, как уголь. Мы посмеялись и пошли.

На другой день мы были в рабочем квартале, среди грязных, низких глиняных жилищ, среди глиняных стенах в крошечных переулках было начертано огромными буквами: «Руки прочь от Китая!» И ещё: «Верн

пример с Китая!». Это было написано простыми буквами, может быть, самыми бедными людьми.

В РАБОЧЕМ КВАРТАЛЕ ЛАХОРА

Этот квартал населён железнодорожными служащими. В нём живут машинисты, кочегары, стрелочники, сторожа, проводники. Жилища, в которых они живут, построены железнодорожной компанией, у которой они состоят на службе. Повидимому, тот, кто строил эти закуты, не затруднял себя ни планом, ни материалом. Если вы возьмёте длинный и узкий кусок глины и большим пальцем сделаете в этом куске вмятины через равные промежутки, вы получите модель этих построек. Это глиняные конуры, слишком большие для собаки, но корова в них не поместится.

Водопровода здесь нет, освещения тоже. На большой квартал — одна-две колонки с водой. Это глиняный ад. Ночлежный дом, описанный Максимом Горьким в пьесе «На дне», показался бы здесь домом отдыха.

Внутри этих конур кое-где стоят кровати с сетками, плетёнными из грязных верёвок. Это уже роскошь. В большинстве этих страшных нор на глиняном полу лежат чёрные, протёртые от времени обрывки коши. Шкафов, столов, стульев нет и в помине. Целой одежды нет. Все ходит в лохмотьях. Между этими норами бегают по лужам из помоев голые детишки с воспалёнными глазами, с чесоточными расчёсами на груди и на руках. В школу дети не ходят. Школ нет. Дети неграмотны, их отцы и матери тоже.

На порогах сидят старухи с лицами, изъеденными волчанкой, экземой, трахомой. В больницу больные не идут. Идти некуда. Больниц нет.

Тощие курицы, привязанные на верёвочках за ногу, сидят между глиняных стен. Их мало. Зато много грязных лохматых собак, роющихся в помойных кучах. В дождливый период крыши протекают. Тогда в жилищах на полу стоит вода. И люди ложатся спать в воду.

Видны разрушения после недавних дождей: обвалившиеся углы, распавшиеся глиняные крыши. В иных жилищах живут восемь человек. «Это невозможно,—говорите вы,—тут не поместится восьмерым». «Они и не помещаются,— отвечают вам.— Пока четверо отдыхают,— четверо работают. Они приходят отдыхать, когда остальные уходят на работу».

Тонкий синий зловонный дым тянется из мангалов — маленьких очагов. Дров нет, топят сухим навозом. В одной из таких конур с голоду умерла старуха. Её нельзя похоронить без разрешения муллы. Он должен придти и прочесть заупокойную молитву, но мулла не придёт, пока не уплатят полагающиеся ему пять рупий. Пять рупий! Это в квартале, где высший заработок 60 рупий в месяц! У соседей нет рупий для такой роскоши, как молитва. Старуха лежит в страшной духоте тропического дня. Проклятая всё на свете, по копейке собирает бедняки эти несчастные деньги и зовут муллу. Он нехотя приходит, бормочет свою молитву и получает деньги. Теперь старуху можно отнести на кладбище, которое тут же.

В другой конуре на полу лежала женщина, дрожащая под ветхим, дырявым одеялом.

— Она больна,— сказали соседи.

— А доктор был?

— Кто был?— переспросили женщины, видя, что мы уделяем какому-то внимание этой больной.

— Доктор,— сказали мы. Но оказалось, что это слово здесь неизвестно.

— Ей ничего не надо, она просто больна, у неё просто малярия, это припадок, он пройдёт. Это только малярия,— наперевобой говорили нам соседи.

Тут же невдалеке мы увидели какого-то человека в полугерманской одежде, который,

получив от женщины деньги, быстро, оглядываясь на нас, сузил их в карман.

Мы подошли к нему.

— Вы лежите здесь?— спросил я.— Вы дали женщине какие-то порошки в бумажке, мы видели.

Он испуганно посмотрел на нас:

— Что вы, что вы? Какой я доктор! Я не доктор, но, знаете, надо помочь бедным людям. Я немного знаю травы, порошки, помогаю, чем могу. А деньги,— он горько улыбнулся,— какие это деньги! Дают, что могут.

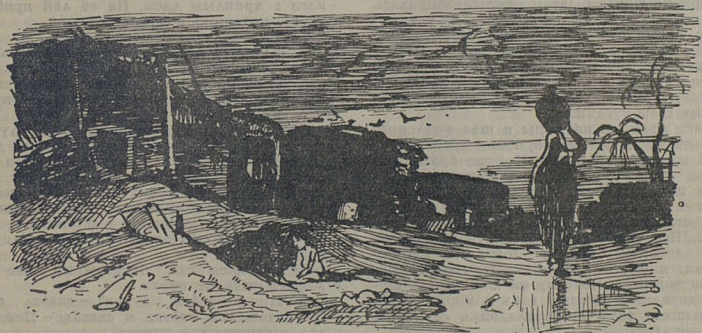
Он вынул из кармана горсть грошей — ани — самую мелкую монету. Он принял нас за англичан и испугался, что мы можем привлечь его к ответственности за то, что он лечит, не имея права лечить. Мы видели, что это знахарь, который обманывает простых, наивных людей и зарабатывает на их темноте свои жалкие гроши.

Кучка мелких монет у него на ладони в этой обстановке казалась большими деньгами. Он засмеялся каким-то жалким смехом и поспешил скрыться в глиняных переулках.

Мы шли из норы в нору. Это был ад, в котором держали людей всю жизнь, как будто эти люди совершили какие-то страшные преступления. Казалось, что в этом аду люди находятся на последней грани, что они забыты, замучены и лишены всяких человеческих чувств, что они смирились с этой жизнью, ничего не хотят, ни на что не надеются.

Но это было неверно. Было жутко смотреть, как женщины старались навести чистоту в этом царстве грязи и пыли. Начищенные котелки, старые кастрюли и металлические чашки блестили на маленьких полках в полумраке лагул. Одежда была тщательно зачищены, множество заплат прикрывало их дыры.

Пройдя ещё немного, мы увидели несколько конур, запертых на замок. Да, маленький замок висел на двух жалких досочках. Мы заглянули через эти доски, чисто условно избравшие двери. Там внутри было то же, что и в других конурах: такие же кошмы,

В рабочем квартале Лахора...

такие же кровати с грязными перёвочными сетками.

— Что за богачи живут здесь? — спросил я шутя. — Что тут запырять? Чья это жилища?

По лицам людей, стоявших вокруг нас, пробежало волнение. Они ответили не сразу. Потом одна женщина с хорошим, открытым взглядом больших чёрных глаз сказала медленно, показывая рукой на эти конуры:

— Это жилища коммунистов, которые должны были уйти в подполье: их преследует полиция. Они не могут жить открыто. Они борются за нас, за наши права, а мы оберегаем их жилища!

Это было так невероятно, точно луч света пробился в чёрный подвал и осветил и эту женщину, и толпу обворванных ребятшек, и покусавшую старуху, сидевшую на пороге своего закутка.

— Смотрите, — сказал нам один товарищ, перед тем как мы пошли в этот квартал, — вы увидите там ужас, который не поддаётся описанию. Но знайте, что там живут люди, в этой тьме, люди, а не жалкие, сломаленные угнетателями существа. Там копится сила народного гнева. Там живут и работают борцы за лучшее будущее. И когда народный гнев вырвется из этой вековой темноты, горе тем, кто так бесстыдно издевался над народом, кто высасывал из него последние соки, кто превратил его в бесправного раба!

КАК ВАМ НРАВИТСЯ!

Каждое утро ей подавали машину. Стройный, в синей куртке с золотёными пуговицами шофёр открывал ей дверцу, и когда собака занимала своё место рядом с ним, он опускал стекло, чтобы прохладный утренний воздух обвевал её уставшее от жаркой ночи тело.

Машина катилась по широкому улицам, на которых ещё не забывались рыжие смерчи пыли, мимо богатых домов, тонувших в зелени. Потом машина пробиралась между коттеджей нового посёлка для господ иностранных инженеров, строивших новую фабрику на окраине Карачи, затем тяжело взбиралась на песчаные дюны Клифтон-бича, за которыми во время отлива открывались песчаные бугры, пропитанные солёной воллой. Бугры колыхались, точно были сделаны из резины. От этих бугров несло солоноватым влажным запахом, таким острым и холодным после городских стен и улиц.

Собака прыгала на дюны и шла медленно, вглядываясь в серо-серебристое море с курчавой зеленоватой пеной. Кое-где проходили паруса, дымил пароход на дальнем рейде.

Она шла в своей светлосерой попонке с мягкими голубыми пуговицами, как настоящая английская леда, гордо смотря по сторонам. Все знают, что породистым европейским собакам вреден горячий климат Карачи, и её хозяин — англичанин — это прекрасно понимает. Поэтому он и приказал шофёру возить её каждый день к морю, чтобы она дышала солёной прохладой и её нервы успокаивались.

Потом она гуляла под вечер по большому пустырю. За ним виднелась стена джентль-

менского клуба, где ей был знаком зелёный бархатный газон, жёлтые дорожки, усыпанные красным гравием, и клумбы с тяжёлыми пёстрыми цветами. Но пустырь был тоже хорош к вечеру, когда на небе вечерние облака застывают, как караван верблюдов, и трава пахнет горьковато и приятно.

На пустыре она встречалась с гордым и прекрасным животным. Это была скаковая лошадь её хозяйина, бравшая призы по всей Индии. Её тоже выводили гулять на пустырь. У них были, видимому, одни и те же мысли насчёт пустыря. Он нравился и этой лошади с бледножёлтыми боками и этой собаке, шедшей так осторожно, точно она шла по шарету.

Они считали, что пустырь — их собственность. И они были такие воспитанные и такие гордые, что почти не смотрели друг на друга, но были довольны, что ни ты, ни другую никто не держит на привязи. Слуга, выводящий собаку, шёл почтительно позади, а два конюха, выводившие лошадь, сначала шли рядом с ней, потом отставали, сидели на траву и начинали рассказывать друг другу разные новости, которые ходили по городу.

Собака и лошадь гуляли рядом. Неожиданно они остановились и посмотрели друг на друга, как будто хотели спросить: как вам нравится?

Перед ними сидел голый человек. Его исхудалое тело почти просвечивало. Длинными, похожими на почернелые ветки руками он держал над маленьким костёрчиком свои лохмотья, поворачивая их из стороны в сторону. Он был так увлечён этим занятием, что не глядел на собаку и лошадь, которые смотрели на него так презрительно, точно у лошади был лорнет, а у собаки золотое пенсне. Откуда он мог знать, что они такие знатные и такие богатые и что это их пустырь!

Ничий, охая и кряхтя, нагнулся и подул на костёрчик. Щепки снова вспыхнули, и ничий встал во весь рост, тряся над огнём лохмотья. Собака залаяла так злобно, что он вздрогнул и обернулся. Собака бросилась на него с хриплым лаем. На её лай прибежал слуга, медленно подошёл конюхам.

Слуга сказал нищему:

— Ты не можешь выбрать другого места? Хозяин услышит её лай, и мне попадёт за то, что ты её встревожил. У неё слабые нервы. Её возит к морю каждый день. У неё пропал аппетит!

Ничий слушал говорившего, как слушают сказочника. Он смотрел то на слугу, то на собаку, злобно оскальшив зубы. Его лицо стёжилось, и вдруг все его морщины прыгнули смехом. Он смеялся и хлопал себя по бокам и по впадому животу. Из глаз его текли слёзы. Он смеялся и выкрикивал:

— У неё пропал аппетит!.. А! У неё пропал аппетит!

Он смеялся так неудержимо, что стал всхлипывать от смеха.

— Что с тобой, дурак? — сказал слуга. Он подошёл к собаке и сказал: — Пойдёмте, что спрашивать с дурака!

И лошадь и собака удалились, презрительно фыркая. Конюхи шли зади, и слуга им

шпёлотом рассказывал про прихоти своего хозяина.

А нищий, стоя на пустыре, продолжал хототать. У ног его догорал огонёк, слабо освещавший тёмную груду жалких лохмотьев. Потом всё погрузилось в темноту.

ПТИЦЫ И ДЕТИ

От роши к роше проносятся, как лёгкие зелёные искры, стайки зелёных попугайчиков. Неизвестные мне птички с яркими тёмно-красными перьями пьют воду из старого водоёма, бегая по отмели, не боясь, что кто-нибудь бросит в них камень или выстрелит. В Пакистане все ловят птиц и убивать их строго запрещено. Птицы это знают и поэтому ведут себя совершенно свободно.

На широкой террасе, где накрыт стол для утреннего завтрака, между тарелками ходит большая сине-чёрная ворона и, приподымая большим клювом салфетку, накрывающие тарелки, смотрит: нет ли чего-нибудь вкусного. Колбаса её не интересует. Сыр тоже, яйца тоже. А вот кусок хлеба — это то, что ей нужно. Удар крепкого клюва, и ворона уже в воздухе и уносит в глазах слуг большой кусок хлеба в своё гнездо. Её нельзя остановить. Нельзя пугать. Она полезная птица, хорошая птица. Люди должны её кормить.

Всё небо Карачи в чёрных точках. Это коршуны-чили. Их так много, что их гортанный, дикий крик слышен весь день. Они в непрерывном движении. Вы можете взять кусок мяса в руку и протянуть его за перила террасы. Как бы высоко ни парил коршун, он увидит этот кусок мяса и сразу же, с точностью самой удивительной, возьмёт его из руки у вас и взмоет с ним в небо, через минуту став чёрной точкой.

— Зачем вам столько коршунов? — спросила я у местного человека.

— Это наши санитары, — ответил он. — Они подбирают все отбросы, всё гнильё, они истребляют вредителей садов и полей, они очень хорошие птицы.

Эти коршуны не бросались ни на ворон, ни на воробьёв, ни на сорок, ни на попугайчиков. Все птицы жили рядом в мирном согласии.

Каждое утро внизу под моим окном работали два садовника. Старый садовник и его молодой ученик садились на корточки и сильными ударами разбивали маленькие глиняные горшки. Осколками маленьких горшков они устилали дно больших горшков и пересаживали в них разные декоративные растения. Делали они свою работу уверенно, неспешно, размеренными движениями. Приготовленные горшки с растениями они ставили на длинную доску и, когда она вся была заполнена, брали её на свои худые сильные плечи и уносили. Повидимому, спрос на эти декоративные растения был большой, потому что они готовили за день огромное множество этих горшков и каждый день с утра начинали снова готовить новую партию.

И вот пока они возились с перекалкой земли в горшки и пересадкой растений, на готовых горшках и на кучках земли рядом с ними прыгали бесчисленные воробьи. Они разрывали землю, перекакивали с горшка на горшок, прямо из-под рук садовников взле-

Бедные голодные дети Пакистана! Им живётся гораздо хуже, чем птицам.

тали на доску, перелетали с неё на траву, чистили клювы, пёрныки, отряхивались. Опять возвращались к горшкам и неутомимо там копались, пища от восторга или выкрикивая что-то своими тонкими и сильными голосами.

Эти воробьи, очень похожие на наших, доходили до такой дерзости, что садились на плечи садовникам и заглядывали в горшки, ещё не наполненные землёй. Садовники не обращали на них никакого внимания.

Потом воробьи мылись в плоском тазу, где была у садовников вода, отряхивали крылышки и снова разлетались по садоводству.

И куда бы мы ни шли, — всюду птицы пели и кричали целый день, им сыпали зёрна, им ставили воду самые бедные люди. Хорошо живётся птицам в Пакистане!

По улицам Карачи, напоминая этих воробьёв, пробегают стайки детей. Они полуголые, очень оживлённые, красивые смуглой красотой Востока, с большими сияющими глазами, худые, как воробьята. Они бегут не в школу. Школ в стране почти нет. Грамотны шесть человек из сотни. Дети трудятся. Вот идут две девочки и несут на головах большие подносы, на которых лежит верблюжий, лошадиный, ослиный помёт. Они подбигивают его на стоянках извозчиков, у караван-сараяв и несут на рынок, где ждут их матери, которые сейчас же пустят этот товар в продажу. По дороге на рынок девочки смеются, поют песенки, шутят со встречными подружками.

Вот на постройке дома женщина на спине несёт на третий этаж горку кирпичей. Внизу маленькая девочка и мальчик помогают ей накладывать кирпич на доску. С трудом они поднимают тяжёлые для них кирпичи, но работают молчаливо и серьёзно, как старые рабочие.

Вот дети выходят из ворот фабрик вместе с матерями. Они работали целый рабочий день, как могли, и устало сводит их лачи и ноги. Они идут, спотыкаясь, держась за юбку матери.

Множество детей предоставлено самим себе. При виде европейца они, как воробьи к садовнику, бросаются к вам, и их маленькие рты кричат: «Бакшиш! Бакшиш! Рупия! Рупия!»

Они просят подачки, они просят рупию. Им сказали родители: «Идите и зарабатывайте сами деньги! Европейцы могут вас ударить палкой, сумеете ускользнуть от палки, но европейцы могут и дать сразу рупию». Рупия — большие деньги для детей, если принять во внимание, что взрослый зарабатывает от 10 до 60 рупий в месяц.

И вот вы окружены этой весёлой, непрерывно кричащей, прыгающей вокруг вас стайкой. Вы видите лукавые глаза, детские движения голяк или почти голяк маленьких рук и ног, озорные гримасы и слышите крики: «Бакшиш! Дай бакшиш! Дай рупию!».

Большинство этих детёшек девочки, с крошечными колечками в носу, на крыльях носа, с дешёвыми браслетами на руках, тонких, как спички.

Они похожи именно на воробьёв, прыгающих вокруг садовников. Есть что-то пичье,

бездумное, быстрое в этих детях природы. Их чистые сердца не испорчены попрошайничеством. Они помогают родителям. Когда такая девочка принесёт рупию, а то и две, это больше, чем дневной заработок отца, и, конечно, её будут ласкать и целовать за то, что она сумела достать эту рупию.

А когда в семье столько детей и им нечего дать поесть, только несколько тонких блинов из прогоревшей муки или несколько гнилых бананов, то поймёшь, почему они так яростно кричат: «Бакшиш!»

Воробьи бросаются к лошадиной стоянке, и к ней же бросаются и детшки с большими лёгкими подносами. Те и другие спорят из-за лошадиного помёта.

Но воробьи полетят в сторону, в сады и парки, и будут сыты. Счастливые птицы Пакистана! Им живётся хорошо, гораздо лучше людей. Бедные голодные дети Пакистана! Им живётся гораздо хуже детки!

«ДИКИЙ ГОРЕЦ»

По его костюму, по резким чертам лица, по его движениям, полным энергии и уверенности, можно было сразу сказать, что он человек не городской. Это так и было. Он пришёл из гор, из тех дальних мест, где до сих пор можно встретить обычные глухой старины и где меньше всего имеют представление о том, что делается на свете.

И когда председатель собрания назвал заседание, откуда он пришёл, то можно было легко представить себе грозные скалы его родины, узкие, повисшие над бездной тропинки, ревущие потоки, срывающиеся с утёсов, вздохмаченные, пенные и дикие, как песни его гор.

— Он хочет прочесть свои стихи, он поэт, — сказал, улыбаясь, председатель собрания.

— Конечно, пусть прочтёт! — сказали присутствующие.

Встали четыре человека. И хотя они были похожи, как братья, но он выделялся среди них не только тем, что был чуть выше остальных ростом, но и выражением вдохновенного лукавства, которое вдруг появилось на его лице.

— Почему же один хочет прочесть стихи, а встали четверо? — спросил я.

— Потому что, — ответил председатель, — то стихотворение, которое он хочет прочесть, он сам переложил на музыку, и оно так понравилось его землякам, что они поют его хором. Вот сейчас они все четверо споят его.

Все четверо как-то присосанились, засветились таким же лукавством, как

Горные братья пели с таким задором, что приятно было их слушать.

и он, щёлкнул пальцами и запел. Сильные голоса и хороший слух были у этих горных братьев. Они пели с таким задором, что приятно было их слушать.

О чём же они пели? Я думал, что эта песня, в которой воспеваются подвиги седой старины, — что-то боевое и вместе с тем лихое и смешное, потому что присутствующие разразились самым искренним хохотом, что ещё более подзадорило певцов, и они грянули следующие куплеты с ещё большим воодушевлением.

Теперь уже смеялись все вокруг.

Когда они кончили, гром аплодисментов приветствовал их. Они с достоинством поклонились и сели на свои места.

Что же пели эти «дикие горцы» из таких далёких мест, куда идти нужно несколько дней от железной дороги, такие это дёбри. Поэт и его друзья не получают там газет и вряд ли слушают радио, а между тем песня их была сложена именно там, в этой горной глуши, и именно там её стал распевать горный народ, потому что она ему понравилась.

Вот что спели они:

Капиталисты Пакистана

испугались собственного народа,

испугались, что он встанёт и требует прав.

Они послали молнию-телеграмму Трумэну:

— Трумэн, Трумэн, спеши скорей

на помощь нам,

Присылай нам атомную бомбу.

мы сбросим её

на пакистанский народ.

И Трумэн им ответил телеграммой-молнией:

— Какая там атомная бомба!

Нам так дали по шее в Китае,

что мы сами не знаем, что делать,

как управиться с Китаем...

Как хотите, так и раздвигайтесь

со своим народом.

Мне не до вас!

— Под каким же именем он сочиняет свои стихи, этот «дикий горец»? — спросили мы.

— У него есть псевдоним!

— Какой?

— Его псевдоним — Бомба!

РАЗГОВОР

Это была беднейшая глиняная лачуга. Лотом с потолка на голову, на плечи всё время падали комки пересохой глины, в период дождей грязные потоки текли по стенкам. Того гляди, лачуга рухнет на её обитателей, и от всего жилища останется груда мокрой, тяжёлой глины — и больше ничего.

За крышей надо было смотреть, чтобы во-

время подновить соломенные перекрытия. Внутри этой лачуги валялись две старые кошки, ставшие рыжими от старости, вместо посуды стояла на полу ряд консервных банок самой разной величины, тщательно вымытых. Они заменяли кастрюли, чашки, тарелки, стаканы.

Маасный очажок дымил горьким синевато-зелёным дымом, потому что обед готовился на сухом навозе. Два заплатанных одеяла сложены были в углу.

Такой вопиющей нищеты нельзя придумать. Она жила в этой лачуге долгими годами. Человеческая жизнь проходила в этих глиняных голых стенах без всякой надежды на какое-либо изменение. Изменить что-либо в этом быту может только смерть. Тогда владельца этих одеял и консервных банок положат в более узкий глиняный ящик, и тем дело и кончится.

Детишки хозяина смотрели на нас с большим любопытством. Так как в этой лачуге никаких книг никто никогда не видел, то этим детям наше посещение заменяло хорошо рассказанную сказку или фокусы уличного факира.

Шагнув в глубину лачуги, я увидел на стене чей-то портрет. Вглядевшись в него было трудно, потому что там, в углу, было совсем темно. Я зажёл спичку. Передо мной на совершенно голой стене висел вырезанный из какой-то газеты портрет Сталина.

Это было так удивительно и так неожиданно, что я спросил у хозяина:

— Откуда у тебя этот портрет?

Пожилый полуголый пакистанец провёл по лицу рукой, как бы в знак приветствия, потрогал свою жёсткую бородку и сказал не спеша:

— Это портрет Сталина. Я его вырезал из газеты «Имроз».

— Я вижу, чей это портрет... Скажи, значит, ты читаешь газеты, ты грамотен?

— Нет, — отвечал он, — я неграмотен. Я не умею читать, что пишут в газетах. Мне рассказывают. Но я знаю, кто Сталин, и я разговариваю с ним...

— Как разговариваешь?

— Я говорю ему, когда мне бывает совсем трудно: ты видишь, как мы живём? Так можно жить людям? И он мне отвечает: вижу и знаю. Подождите немного. Всё будет по-другому! Я говорю ему: я верю в это! Если бы я не верил, я давно бы покончил с этим жалким существованием.

Но я верю: вот они — он показал на детишек, — они будут жить по-другому, совсем по-другому!

(Окончание следует)

Дети мира — за мир

Мы, дети всех стран, всех народов и наций,
Для жизни счастливой на свет рождены,
И мы не хотим сиротами остаться,
Стать новыми жертвами новой войны.

Чтоб завтрашний день был светлей, чем вчерашний,
И вновь города не лежали во мгле,
Поможем сегодня
Родителям нашим
Бороться за счастье и мир на земле.

Мы вырастем скоро, окончится детство,
И юность свою мы украсим трудом,
Мы мир необъятный получим в наследство
И дело отцов до конца доведём.

Чтоб завтрашний день был светлей, чем вчерашний,
И вновь города не лежали во мгле,
Поможем сегодня
Товарищам старшим
Бороться за счастье и мир на земле.

Хотим мы расти и учиться упорно,
Чтоб солнце свободы над миром зажглось,
Чтоб детям, и белым, и жёлтым, и чёрным,
На нашей планете привольно жилось.

Чтоб завтрашний день был светлей, чем вчерашний,
И вновь города не лежали во мгле,
Поможем сегодня
Всем людям бесстрашно
Бороться за счастье и мир на земле.

Подарок Сталину

Хижина из бамбука
В далёком стоит Вьетнаме,
Там девочка вышивает
В подарок Сталину знамя.

В работу столько терпения
Вложила она недаром:
Сталин ко дню рождения
Получит её подарок.

Но утром одним туманным
Под гневный призыв там-тама
С оружием на плантаторов
Поднялся народ Вьетнама.

И дорогой подарок
Она отдала народу,
Который в борьбе отстаивал
Мир и свою свободу.

И в самом сердце восстания
Знамя взвилось упрямо, —
То был подарок Сталину
От девочки из Вьетнама.

Солдаты мира

Это было в мае, на рассвете,
Когда шёл у стен рейхстага бой, —
Девочку немецкую заметил
Наш солдат на пыльной мостовой.

У столба, дрожа, она стояла,
Детский рот перекошил испуг,
А куски свистящего металла
Смерть и муку сеяли вокруг.

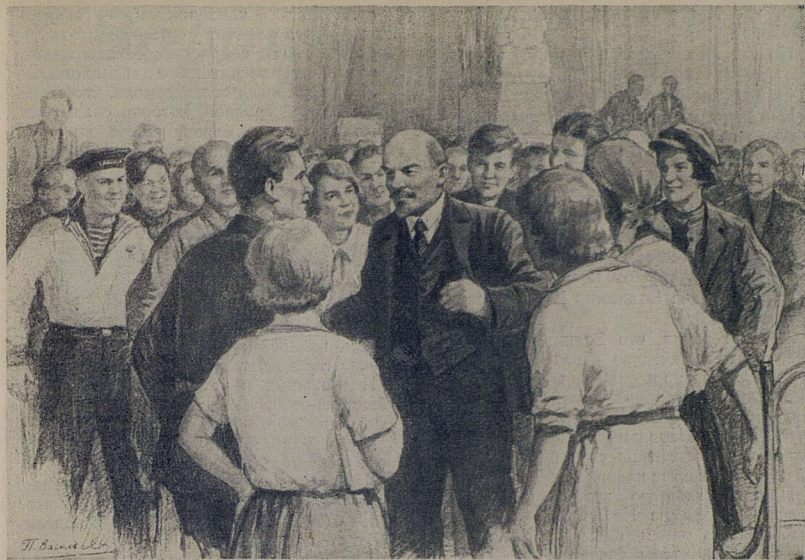
Тут он вспомнил, как, прощаясь, летом
Он свою дочурку целовал,
Может быть, отец девчонки этой
Дочь его родную расстрелял.

Но сейчас в Берлине под обстрелом
Полз боец и, телом заслоня,
Девочку в коротком платье белом
Осторожно вынес из огня.

И, погладив ласково ладоною,
Он её на землю опустил..
Говорят, что утром маршал Конев
Сталину об этом доложил.

Скольким детям подарили детство,
Возвратили радость и весну
Рядовые Армии Советской,
Люди, победившие войну!

И в Берлине в том же сорок пятом
Был воздвигнут, чтоб стоял в веках,
Памятник советскому солдату
С девочкой спасённой на руках.

В. И. Ленин среди делегатов III Всероссийского съезда комсомола в 1920 году.

Рисунок П. Васильева

Ленинский завет

Тридцать лет назад, 2 октября 1920 года, в Москве открылся III Всероссийский съезд комсомола.

Открытие съезда было назначено на восемь часов вечера в одном из залов партийной школы на Малой Дмитровке, где сейчас помещается Театр имени Ленинского комсомола.

Задолго до назначенного часа зал был переполнен молодёжью, собравшейся со всех концов страны. Потёртые кожаные тужурки и рабочие блузы питерцев, москвичей, владимирцев, крестьянские зипуны пензенцев и рязанцев смешивались с пёстрыми халатами и тубетейками узбеков и татар. Многие делегаты приехали прямо с фронтов гражданской войны — кто в ватнике, перетянтом пулемётной лентой, кто в потрёпанной шинели, нередко с отцовского плеча. У большинства за поясом револьвер либо граната. Граждан-

ская война шла тогда не только на фронте. В любом городе или селе первых комсомольцев часто подстерегала пуля кулака или притаившегося белого офицера.

Ещё с утра среди делегатов разнёсся слух, что на первом заседании выступит товарищ Ленин. Понятно, с каким нетерпением ждала этой минуты молодёжь. Увидеть Владимира Ильича, услышать его слова было самой горячей и затаённой мечтой каждого.

Наконец председатель объявил:

— Слово предоставляется председателю Совета Народных Комиссаров товарищу Ленину!

Напряжённая тишина взрывается бурей оваций. Делегаты вскакивают с мест. Огромный порыв любви к вождю объединяет всех в одном общем чувстве.

Улыбаясь, Ленин на ходу снимает тёмное пальто с чёрным бархатным воротни-

ком, кладёт его на стул, орация всё не умолкает.

Но вот Ленин слегка поднимает руку, обводит взглядом зал и начинает говорить: — Товарищи!

И с первыми звуками негромкого, спокойного голоса в зале наступает тишина. Затаяв дыхание, делегаты слушают Владимира Ильича...

Ленин говорил о задачах Коммунистического Союза Молодёжи. Это был его завет молодому поколению, на долю которого выпало счастье продолжить и завершить дело, начатое отцами.

Чему же учил Владимир Ильич первых комсомольцев?

Ленин говорил, что Великая Октябрьская социалистическая революция разрушила старый мир насилия и эксплуатации. Советский народ начал строить новое, коммунистическое общество. Но подлинным строителем коммунизма можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память всеми знаниями, которые накопило человечество.

Поэтому главную задачу молодёжи, говорил Владимир Ильич, «можно было бы выразить одним словом: задача состоит в том, чтобы учиться».

Ленин привёл такой пример. Основой современной техники является электричество. Без него не создашь ни сильной промышленности, ни передового сельского хозяйства.

Но, говорил он, «...к электрификации неграмотные люди не подойдут, и мало тут одной простой грамотности. Здесь недостаточно понимать, что такое электричество; надо знать, как технически приложить его к промышленности и к земледелию... Надо научиться этому самим, надо научить этому все подрастающее трудящееся поколение».

Усердно овладевая знаниями, помогая взрослым в их труде, молодёжь должна воспитывать из себя коммунистов.

«... БЫТЬ коммунистом, — говорил Ленин, — это значит организовывать и объединять все подрастающее поколение, давать пример воспитания и дисциплины...»

Ленин требовал от комсомола, чтобы он был ударной группой, которая оказывает свою помощь во всякой работе, во всём проявляет свою инициативу, свой почин...

Заканчивая свою речь, Ленин сказал: «...То поколение, которому сейчас 15 лет, оно и увидит коммунистическое общество, и само будет строить это общество».

Слова Ленина сбылись. Под руководством товарища Сталина советский народ успешно создаёт первое в мире коммунистическое общество. С каждым днём мы видим, как всё быстрее становится наша страна страной коммунизма.

И в первых рядах строителей нового общества — наш славный ленинско-сталинский комсомол.

Мудрый завет Ленина стал законом для всех комсомольцев.

Дело чести каждого комсомольца — стойчиво овладевать знаниями, потому что только большие знания делают человека повелителем природы.

Миллионы комсомольцев трудятся, умножая богатство нашей страны, увеличивая её силу и мощь. Они не жалеют сил в благородном труде на благо Родины.

Все вы, ребята, горячо мечтаете о том дне, когда на вашей груди появится комсомольский значок. Готовясь к этому дню, вы должны всегда помнить слова Ленина и честно выполнять его завет.

На вашу долю выпало счастье жить в эпоху коммунизма. Она уже близка. Чем старательнее будете вы учиться, чем больше будете помогать старшим в их труде, тем радостнее будет вам сознавать, что вы растёте достойными членами коммунистического общества.

Этому учил вас Ленин, этому учит вас Сталин.

Воронок

Рассказ В. Антохиной

Рисунки В. Константинова

Старого Воронка для того только и держали сообща, всем зимовьем, чтобы возить ребят в школу за шесть километров.

Зимовье стояло в тайге, и бригада коновозчиков круглый год работала по вывозке брёвен на дальние безлесные горы — гольцы, где были расположены рудники и строилась электростанция. Старому коню добираться туда с грузом было тяжело.

Провожать ребят в школу взялся дедушка Никифор.

Летом у детей и у Воронка были каникулы. Ребята привыкли к смирному Воронку и любили его. С раннего утра, чуть проглянет солнышко, они уже бежали с удочками, с сумками за плечами к избе деду Никифора:

— Дедушка! А дедушка!

— Чего вам? — высовывался дед из окна.

— За Воронком мы, дедушка, пасти его на реку пойдём.

— Ладно, ступайте, — говорил дед, — а я следом пойду.

Тогда все кидались под навес к Воронку. Кто чистил коня щёткой, кто приглаживал

его длинную гриву, кто угощал кусочком хлеба с солью.

Воронок тоже привык к детям и всюду послушно шёл за ними. Уздечка так и не надевалась на него всё лето. С телеги или с пенька можно было забраться к нему на спину и ехать до самой реки. Чтобы не было споров, кому ехать на Воронке, ребята установили строгую очередь. За неделю каждому приходилось по одной поездке утром и по одной вечером: школьники на зимовье было как раз семеро, другие ребята, ещё несмышлёныши, в счёт не шли.

Вода в неширокой, но быстрой речушке поблескивала на солнце. Ребята расплагались у самой воды на ровном и низком берегу, где росла густая, сочная трава. На другом — крутом — берегу тайга подступала к самому краю обрыва. Казалось, что деревья вот-вот оступятся и полáдают в воду.

Вскоре приходил и дедушка Никифор. Он осматривал, правильно ли ребята насадили на крючки червячков и кузнечиков, так ли закинули удочки. Затем, оставив третьеклассницу пионерку Нину за старшую, дед шёл к тому месту, где река делала крутой поворот и, падая с камня на камень, сбегала в низину. Здесь у деду были расставлены под водой снасти. Проверять их дед брал с собой только Миньку, братишку Нины, да Гошу Зорина. Не бил дедушка, чтобы ему в таком серьёзном деле мешали!

Выложив в мешок попавшую в снасти рыбу, дед возвращался к ребятам в хорошем настроении.

— Ну вот, — говорил он, — сейчас и уху варить, полдневать будем.

Нина и Маня помогали деду чистить и потрошить рыбу, мальчики подтаскивали сушь для костра, подвешивали над огнём котелок с водой. Завязав оставшуюся рыбу в мешок, дед опускал её в воду, а вечером делил между ребятами:

— Тащите домой, угощайте родителей!

Уха вскоре попевала на славу. Ребята усаживались в кружок. Резали хлеб к обеду.

Воронку уха была не нужна, но ему нравился и костёр и запах варёва. Он любил постоять за спиной у каждого из ребят, и не бывало ещё такого случая, чтобы кто-нибудь не положил на траву возле себя корочку хлеба для Воронка. Только за спиной деду Никифора становиться не следовало. Воронок хорошо это знал. Крутой

характер был у дедушки, — сейчас раскритикует. Баловство, мол, какое! Травы кругом не пересте, а ему ещё хлеба подавай!

После обеда дед Никифор ложился подремать, а ребята вытаскивали из сумок книги с картинками и читали друг другу вслух. Стоя засыпал возле них и Воронок. Нижняя губа его отвисала и шевелилась во сне, словно он что-то нащёптывал детям, длинная грива спадала почти до самых колен.

Купались ребята обычно в середине дня, когда солнце пригреет: в таёжных реках, тех, что сбегают с высоких гор, где в ущельях и летом не тает снег, вода холодна. А Воронок в воду никогда не входил, оберегал свои больные ноги, даже когда пить начнёт, и то копыта старается не замочить.

Так проходили весёлые летние дни.

Но вот кончалось лето, начинались занятия в школе. Дни становились короткими. Белая пелена снегов надолго закутывала землю. В сильные морозы в тайге потрескивали стволы деревьев.

Задолго до рассвета просыпалось зимовье. Загорались огни в домах, и свет от окон широкими полосами ложился на дорогу. В морозной тишине хлопала калитка, мужские голоса раздавались под окнами на улице, затем уже более глухо доносились с реки вместе с ударами топоров о лёд и позвякиваньем ведёрок. Напив у проруби коней, возчики расходились по дворам.

Сквозь серебряные морозные узоры на стёклах Минька и Нина старались разглядеть всех, кто вступал в полосы света от окон. Последним на реку всегда проходил, прихрамывая на правую ногу, дедушка Никифор. За ним тянулся на поводу старый Воронок.

Сегодня всё было в порядке, как и всегда, — волноваться было нечего. Сейчас дед задаст Воронку овса и пойдёт пить чай, а потом начнёт собираться ехать в школу.

Минька и Нина соскочили с подоконников и принялись помогать матери: подметать пол, накрывать на стол, резать хлеб. Когда отец показался в дверях, мать уже разливала по тарелкам жирные щи.

Отец любил, чтобы дети ели молча и сидели за столом смирно, не болтая ногами и не вертясь, но Минька всегда трудно было спокойно сидеть на месте.

Подливая ему в тарелку щей, Настасья Семёновна строго сказала:

— Чего возишься? Ешь, а то голодный в школу уедешь! — Но не выдержала и улыбнулась ласково: — Он, отец, вчера пятёрку получил, отличником, видно, как и Нина, будет.

— Буду! — сказал Минька, торопясь покончить со щами и поглядывая на окно.

— Куда вы, отец, на новостройку или на рудники брёвна-то сегодня везёте? — спросила Настасья Семёновна.

— На рудники.

— Вернётесь когда?

— Завтра, под вечер только.

Нина убрала посуду со стола, проверила в сумке книги и повязала красный галстук. Настасья Семёновна закутала ребят потеплее и вышла на крылечко проводить их.

Скрипя полозьями, одни за другими отъезжали от домов сани с тяжёлыми, толстыми брёвнами для дальних рудников. В неверном свете раннего утра коновозчики в длинных меховых тулупах казались сказочными великанами. У последнего дома зимовья дед Никифор запрягал в розвальни Воронка. Школьники с сумками через плечо, в тёплых валенках и полушубках были уже тут, и каждый старался помочь деду. Но угодить дедушке было не так-то просто. То подали что-нибудь «не с руки», то зашли не с той стороны.

Наконец всё было готово, дед притащил с сеновала и кинул в сани большую охапку душистого, зелёного сена, ребята уселись, дед взмахнул кнутом, и Воронок тронулся в путь.

Обычно у школы дед Никифор выпрягал Воронка и ставил его к сену, наваленному в сани, а сам проходил в школьную раздевалку. Сняв тулуп и бараний полушубок, дед усаживался у печки. В часы уроков он сладко подрёмывал, покачиваясь на стуле, в шумные школьные перемены просыпался и поглядывал вокруг. Ребята с зимовья прибегали к нему с рассказами о том, кто как отвечал, какие получил отметки. Иногда проходила быстрым шагом молоденькая учительница-комсомолка Валентина Ивановна и ласково здоровалась с дедом. Пожилая учительница Зинаида Михайловна тоже заходила к деду в раздевалку расспросить, хорошо ли дети едят и не забнут ли в дороге.

После уроков дед самым строгим образом проверял, не забыл ли кто из ребят сумку, рукавицы или книгу, и шёл запрягать Воронка. Расстелив на сене брезент,

Ребята бегут навстречу, машут руками, кричат что-то...

захваченный из дому, он усаживал ребят в сани и закутывал их со всех сторон.

В этот день неожиданно разгулялась непогода. Едва сани выехали на открытое место, колючая морозная пыль кинулась путникам в лицо. Ветер чуть не опрокинул сани. Всё сразу закрутилось и завывло в наступающей темноте. Скоро буран разыгрался не на шутку. Снег слепил, ветер перехватывал дыхание. Сугробы вырастали со всех сторон со страшной быстротой. Дорогу перемело. Сани словно ныряли в волнах: то проваливались куда-то, то крепились на сторону. Возвращаться назад, в школу, было уже поздно.

Дед понукал коня и то и дело, оборачиваясь к детям, кричал:

— Не робей, ребята! Не робей! Держись за сани! Смотри не вывались!

Воронок вдруг остановился.

— Но! Но, милоч! Старайся! Пошагивай! — кричал дед, но сани стояли, всё больше обрастая снегом.

Дед вылез из саней и пробрался к морде коня. Воронок тяжело хрипел, дрожа всем телом. Дед вернулся к саням. Его холодная шершавая рука ощупала в темноте головы ребятешек.

— Дедушка! А дедушка! — высунулся из-под брезента Минька. — Воронок задохся?

— Задохся, милоч, совсем задохся! — дед скинул с себя тулуп и, оставшись в

одном полушубке, прикрыл тулупом ребят поверх брезента.

— Дедушка, чего мы теперь делать-то будем?

— Чего, милоч? Да пережить буран будем, авось, к утру стихнет. А Воронка я выпрягу, да и прогоню домой. С санями ему не выбиться из таких снегов, а один дойдёт. Наши, как увидят его, смеknут, что не в школе мы, что на поле буран нас застал, ну и разыщут. А ты, парень, лезь под тулуп, заморозишься!

Но Минька прижился к мокрой от снега дедовой бороде:

— Дедушка, а ты оглобли поднимать будешь? Отец говорил, как кто в снегу заблудится, надо оглобли стоймя ставить. Сани заметёт, а по оглоблям увидят.

— Ну а как же, подтяну оглобли. Да ты лезь под тулуп, лезь!

Когда дед, отпустив Воронок, приподнял край тулупа и прилёг рядом с детьми, прижимая их потеснее к себе, он услышал, как маленький Гоша тихо всхлипывает, не смея плакать громко.

— Ты чего? — спросил дед.

— Он, дедушка, есть хочет, — сказала Нина.

— Ну, брат, это уж подождать до дому, потерпеть придётся! Вот вернёмся домой, тогда и наедимся вволю!

Дед ощупал ноги ребятешек и подокнул лучше тулуп со всех сторон. Ветер

швырял снегом в дедову спину и, забираясь в валенок, морозил правую большую ногу.

Пошатываясь от напора ветра, спотыкаясь, проваливаясь в глубокие сугробы, пробирался Воронок к зимовью. Поднявшись из лощины к тайге, он протяжно заржал, словно призывая на помощь. Ветер свистел в вершинах деревьев, бешено крутился у опушки и слабел, запутываясь в чаще. Стволы могучих кедров свалились в непроглядной тьме. Ветви почти доверху занесённых кустов хлестали коня по груди и ногам. Утопая в снегу, как в воде, задыхаясь, хрипя, медленно продвигался вперёд старый конь...

Всю ночь не гасились огни в зимовье. То и дело забегали матери в избу бригадира, к жене его Настасье Семёновне.

— Может, дозвонилась, Настенька? — спрашивали они ещё у порога.

Настасья Семёновна озабоченно качала головой:

— Нет! Видно, буран провода порвал, — никак не дозвонюсь!

— Одна надежда, что не выехали они из школы до бурана, а остались там переждать непогоду.

Женщины замолкали, тревожно прислушиваясь.

Ближе к рассвету в одном из дворов вдруг залаяла собака, и все женщины выбежали на улицу.

Весь залепленный снегом, с размётанной ветром гривой у крайней, восьмой избы стоял Воронок.

— Ах, беда! Это дед Никифор помощи просит! — заплакала Настасья Семёновна.

— А мужики-то наши когда ещё вернутся! И телефон не работает, да и коня больше ни одного на дворах нет, а Воронок на ногах не стоит, шатается!

Женщины бросились обтирать Воронка соломой, накрыли его попоной, насыпали полные ясли овса. Потом Настасья Семёновна и тётя Катя — гошина мать — запрягли Воронка в розвальни, взяли с собой лопаты и поплыли по снежным волнам.

Всю ночь горел свет и в учительской комнате школы. Пожилая учительница Зинаида Михайловна то и дело подходила к телефону.

— Да, да! — отвечала она на звонки. — Так и не могу дозвониться на зимовье: вид-

но, буран провода порвал. А ребята, боюсь, не смогли добраться до дому, в поле где-нибудь бедствуют. Комсомольцы уже выехали их искать,

Она положила трубку и обернулась к Валентине Ивановне:

— Секретарь райкома беспокоится. Знает, что к нам в школу ребята с зимовья приезжают учиться... Буран-то, буран-то какой! Небывалый прямо! Ну, да к утру, наверно, стихнет!

Утро, действительно, вставало морозное, но тихое. Пронёсся свирепый буран, и за дальними горами заалело ясное небо.

Увязая в снегу, тащился по сугробам Воронок.

— Да ты, тётя Катя, брось вожжи-то, не едятивай их, — сказала Настасья Семёновна, — дорога коню в школу привычная, как ни замело, а он её чутьём найдёт, да и место признает, где сани остались.

— Но! Но, милоч! Но, родной! Вези нас к ним!

Уже совсем рассвело, когда сани выехали на опушку тайги, и Воронок начал медленно спускаться в лощину.

— Смотри-ка, Настасья Семёновна, кто-то едет! Уж не наши ли? Не дед ли Никифор это вожжами помахивает?

Внизу, в лощине, действительно виднелись сани. Там, видно, тоже узнали своих — машут руками, кричат что-то. Всё ближе, ближе сани. Вот ребята выпрыгивают прямо в снег, бегут навстречу. С ребятами два незнакомых паренька, совсем молодых, лет по семнадцати. Один, улыбаясь, говорит:

— Получайте своих ребят. Мы их по оглоблям нашли. Торчат оглобли из снега, и дедов шарф сверху по ветру мотается, издалека видно. Мы ребят вином напоили: боялись, не замёрзли ли. Да нет! Полушубки и валенки у них тёплые, да ещё брезентом и тулупом они прикрыты были. Все здоровехоньки!

Действительно, всё кончилось хорошо, никто из ребят не заболел, только у дедушки Никифора спину долго ломило.

И попржему возил ребят в школу, а летом пасся у реки на сочной траве Воронок — верный конь. А этой осенью друзей-школьников у него прибавилось: у Мани братишка, у Гоши сестрёнка подросли, однако компания как была, так и осталась очень дружной.

НЕУГАСИМЫЙ ОГОНЬ

Если я не буду гореть,
Если ты не будешь гореть,
Если мы не будем гореть,
Кто же развеет мрак!

(Стихотворение Назыма
Хикмета. Написано в тюрьме)

«Написано в тюрьме»... Эти слова стоят под многими стихотворениями народного поэта Турции Назыма Хикмета. Двенадцать лет он провёл в одиночной камере тюрьмы. За толстыми и глухими стенами этой тюрьмы турецкие правители хотели спрятать от народа могучий и смелый голос поэта-коммуниста. Они пытались заживо похоронить его: судом военного трибунала Хикмет был приговорён к 28 годам и 4 месяцам тюремного заключения. Но Назым Хикмет и в заточении не сложил своего оружия, и, как прежде, на воле, каждое его слово было обращено к народу, к родной Турции, стонущей под игмом англо-американских империалистов.

Ни тюремные решётки и засовы, ни жестокие тюремщики, ни годы мучительного одиночества не могли поколебать мужественный дух поэта. Его, отрезанного от всего мира, волновали и народная война в Китае, и события в Греции, и подвиг русской партизанки Зои, и свободолюбивые песни негритянского певца Поля Робсона. Силой неугасимой любви к свободе, к счастью, к людям он словно раздвигал стены узкой тюремной камеры

Сердце? Но здесь половина его
только, доктор, —

другая — в Китае,
в армии той, что спускается к Жёлтой
реке.

А кроме того по утрам,
по утрам, на рассвете, чуть
брезжащем, доктор,
в Греции сердце ведут на расстрел...

(Стихотворение «Грудная жаба»)

Песни и стихи Хикмета, как вольные птицы, разносились по всей стране, и за

Назым Хикмет в тюрьме города Бурса.

двенадцать лет, что поэт провёл в заточении, народ не только не забыл его, но ещё ближе узнал и полюбил своего честного друга и защитника. И народу удалось вырвать поэта из тюрьмы, освободить из долгого плена.

Хикмет был уже давно болен, тяжёлая сердечная болезнь стала мрачной спутницей его тюремной жизни. А до конца срока оставалось ещё целых шестнадцать лет, и Хикмет обратился к правительству с требованием освободить его. Правительство Турции готовилось в то время к выборам. Чтобы успокоить народ, видевший и переполненные тюрьмы в турецких городах и сотни арестованных, которых проводили под конвоем (только за несколько месяцев в Турции было арестовано 1176 учителей и профессоров; 694 человека были приговорены в общей сложности к 3500 годам тюремного заключения), турецкое правительство решило объявить амнистию, освободить 350 заключённых, в том числе и Назыма Хикмета. Но в тот день, когда должен был быть подписан закон об амнистии, в Турцию приехали американский генерал Коллинс и посол США Уодсворт. Надменные и важные, они держались в Турции, как в своём поместье, а трусливые турецкие правители, запродавшие родную страну

заокеанским хозяевам, боясь навлечь на себя гнев приезжих, не решились выпустить Хикмета на волю. В тот день, когда генерал Коллинс совершал свою первую поездку по военным базам, построенным американцами на территории Турции, проект об амнистии заключённых исчез из портфеля турецкого правительства. Слово его и не было!

Хикмет узнал, что правительство отказало ему в освобождении, и в знак протеста объявил голодовку.

— Я голодаю не потому, что потерял надежду, — сказал он, — а потому, что добиваюсь справедливости.

Как прежде, как двенадцать лет подряд, тюремщик приносил в камеру еду, но узник не притрагивался к ней. С каждым днём он худел всё больше и больше. Всё слабее становился пульс, всё резче слышны были перебои большого, истомлённого тюрьмой сердца. Вскоре Назым Хикмет уже с трудом вставал с постели.

Врачи видели, что смерть его недалеко. Они уговаривали Хикмета прекратить голодовку, но он не сдавался.

Далеко за пределами Турции стало известно, что великий поэт-демократ объявил голодовку. К маленькому турецкому городку Бурсы устремились взоры и мысли миллионов честных людей. Там, в холодной тюрьме, погибал один из лучших сынов человечества, вдохновенный певец счастья, свободы и мира.

Стало известно, что в знак солидарности с сыном объявила голодовку и его мать, старая Джелиль. Она не могла проникнуть сквозь тюремные стены, не могла прижать к груди своего умирающего сына, но она хотела поддержать его в эти трудные дни и так же, как он, поклялась, что не возьмёт куска хлеба в рот, пока не восторжествует справедливость, пока перед узником не раскроются двери тюрьмы.

В Стамбуле собрался большой митинг. «Свободу Назыму Хикмету!» — требовали рабочие, крестьяне, студенты, люди самых различных профессий.

«Турецкое правительство, вынудившее Назыма Хикмета прибегнуть к голодовке, покроет себя несмываемым пятном вечного позора, если оно не освободит Назыма Хикмета из тюрьмы, если допустит, чтобы любимый народный поэт Турции умер голодной смертью», — так писали поэты Советского Союза в своём обращении к турецкому правительству.

В Болгарии, во Франции, в США и во многих других странах были созданы комитеты в защиту Хикмета.

Турецкое правительство ежедневно получало десятки, сотни писем и телеграмм с требованием освободить поэта.

Голоса друзей долетели и до темницы Хикмета.

Взволнованный народной любовью, он писал:

Братья!

Если сегодня с трудом нахожу я слова,

Чтобы всё рассказать вам,

Что должен я вам рассказать.

Вы поймёте причину, —

Болят у меня голова,

Тяжело пятый день голодать.

Братья в Европе, в Америке, в Азии,

Вижу,

В синем сумраке ночи

Склоняетесь вы надо мной,

И в глазах ваших свет.

Как я счастлив своею рукой

Всем вам руки пожать.

Я подолгу держу их в ладони,

Словно матери руку,

Словно руку любимой,

Словно руку жизни самой...

(Стихотворение «На пятый день голодовки»).

В июле этого года по миру разнеслась радостная весть: Назым Хикмет на свободе благодаря настойчивости и сплочённости миллионов честных людей, вставших на его защиту. Поэт-демократ снова в рядах борцов за мир!

Н. Александрова

З О Я

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

Назым Хикмет

Зоей звали её,
но врагам назвалась она Таней.
Таня!
Во мраке тюрьмы Бурсы
лежит предо мною твоя фотография,
Таня.
Ты, наверно, не знала, что есть на земле
тюрьма Бурсы,
Таня.
Бурсы — благодатный зелёный край,
но тюрьма Бурсы душна и угрюма,
но в тюрьме Бурсы лежит предо мною
твоя фотография,
Таня.
Но сегодня не сорок первый год,
сегодня
год на земле сорок пятый.
Не у ворот Москвы,
у Бранденбургских ворот
бьются твои,
бьются мои,
бьются честные люди мира,
нашей великой правды солдаты.
Таня!
Я люблю свою родину так же, как ты.

Я — турок,
ты — русская,
мы — коммунисты,
Таня!
Тебя повесили за твою любовь,
меня заточили в тюрьму за мою любовь,
но я живу, а ты умерла,
как мало ты побыла на земле,
как мало ты видела солнечный свет,
— всего восемнадцать лет,
Таня!
Ты — партизанка, повешенная врагом,
я — заключённый в тюрьму поз,
но между нами преграды нет!
Ты — дочка моя,
ты — товарищ мой,
пред тобою склоняюсь я головой,
Таня!
Как красиво изогнуты брови твои,
словно две миндалины, очи твои,
но какого цвета они, не понять
по твоей фотографии,
Таня.
Я читал: они карие, очи твои.
Кареглазых много в стране моей.

Твои тёмные волосы не длинней,
чем у Мехмета, мальчика моего,
Таня.

Как широк и ясен твой детский лоб,
он покоен и светел, как луна.
Как вдохновенно твоё лицо,
как нежна твоя детская шея,
на ней не петля, не верёвочка,
на ней ожерелье.
Какая ты чистая, Таня!

Я товарищей кликнул,
они поспешили ко мне.
Говорят негромко,
разглядывая твой портрет:

«У меня дочь её лет».
«У меня сестра её лет».
«У меня жена её лет».

Девушки рано выходят замуж
в нашей жаркой стране,
Таня!

Наши подружки на фабрике, в поле и в школе —
это сверстницы Тани.

Она умерла.

Сколько честных погибло в борьбе!
Таня, Таня, мне стыдно, позволь мне
признаться тебе:
я семь лет не воюю, семь лет прозябаю
в неволе
и всё ещё жив.

Утром подняли Таню, кое-как приодели..
(Немцы стибрили валенки, пропали тулуп
и ушанка.)

Ей на шею повесили бутылки с горючим,
на плечи надели походный мешок —
снарядили в последний путь.

На доске написали мелом:

«ПАРТИЗАНКА»

и повесили ей на грудь.
Двери настежь!

Улица солнечна и бела.

Немцы сгоняют крестьян прикладами, —
солдаты со всех сторон.

Вот она, виселица, на площади в центре села.

Поставлены друг на друга два ящика из-под
макарон.

Привели, втащили на ящики Таню.
Стоит она прямо-прямо, над головой петля.
Насколько ты стала выше...

Солнце ещё в тумане.
Как хорошо ей видно тебя, родная земля!
Накинули петлю на красивую шею,
она оттянула её рукою.

Ещё немного пожить...
Люди, люди кругом.
«Товарищи, выше голову!

Не давайте фашистам покоя!
Убивайте, жгите, громите, воййте с врагом!»

Фашист ударил её в лицо,
кровь хлынула из губ опалённых,
и слова полились горячие, как кровь:
«Всех не перевешаете!

Мы победим!

Нас много!

Нас двести миллионов!»

Сдрогнулась толпа...

Чей-то сдавленный стон, чей-то плач...
Солнце хлынуло ярче, земля хорошеет.
Родная земля...
Натянул верёвочку палач.

Задыхается девушка с лебединою шеей.
До свиданья, прощай, начало чудесного дня!
Привстала она на носки, подалась вперёд.
«Прощайте, товарищи! Не оплакивайте меня!
Это счастье — умереть за свой народ!
Мне отсюда слышней и видней, — я слышу
цокот копыт.

Наши придут! Сталин придёт!»

Огромный солдатский сапог выбил ящики
из-под ног.
Взметнулось и закачалось молодое, сильное
тело.

Как сигнал к наступленью,
как весть о грядущей победе,
как символ бессмертья,
оно над землёю взлетело.

Перевод М. Алигер

В ы с т р е л

Рассказ Анатолия Уреевского

Рисунки Б. Винокурова

В субботу, после уроков, пионервожатый Омолон сказал Нюргусуну:

— Завтра начинаются соревнования. От нашей школы поедешь ты.

Нюргусун, как настоящий мужчина, внешне не выразил радости, но ждал следующего дня с нетерпением.

Каждую весну в соседнем селе проводились районные состязания стрелков. Школ в районе было много, и в состязаниях могли участвовать только самые лучшие снайперы.

Утро выдалось солнечное и на редкость тёплое. Снег стаял совсем недавно, и от влажной земли поднимался в безоблачное небо лёгкий туман. На кустах северной ивы среди набухших почек зеленели кое-где крохотные листочки. От гомона прилетевших птиц звенело в ушах.

Закинув за плечо ружьё, Нюргусун поправил галстук и вышел за ворота. На

встречу, как белый пушистый шар, выкатилась Белка, оленегонный щенок.

— Со мной хочешь? — спросил мальчик. — Хорошо, пойдём. Вдвоём веселее!

И они отправились к бригадире за оленем. Но по дороге Нюргусун раздумал брать оленя: утро стояло такое весёлое, а до Тобохойской школы было не больше двух часов ходьбы.

Белка бежала впереди, заливиство то на смелую полярную куропатку, то на пёстро-го неседливого бурундука, а то и просто так, от избытка радости.

Перебравшись через десяток прозрачных ручейков, они вышли к сопкам. Здесь тайга стала гуще, молчаливее. Тропинки вились среди обомшелых скал. На вершинах сопок ещё лежал снег, и они походили на огромные глыбы сахара.

Поправив расшитые бисером торбазы, Нюргусун стал подыматься на ближнюю

вершину. Из-под ног катились покрытые белым мохом камни, в низинах адели гроздья прошлогодней брусники. Сквозь ветви мелкого кедровника, похожие на оленьи рога, сквозило редколесье, уходящее в синюю солнечную даль, к морю. До села оставалось километра три. В той стороне из-за взгорка поднимались редкие столбики дыма и отчётливой полоской вырисовывался флаг.

«Над Тобойхойской школой,— подумал мальчик.— Она у них двухэтажная. Далеко видна!»

Дойдя до перевала, Нюргусун снял винтовку, сел на обломок скалы, погладил по крутому лбу растянувшуюся рядом Белку.

Ему представлялась широкая лужайка перед Тобойхойской школой и на ней много-много народу. Вот он, Нюргусун, появляется среди стрелков. Омолон, наклонившись к офицеру с золотыми звёздочками на погонах, говорит:

— Это Нюргусун, из нашего отряда. Он в прошлом году первое место занял.

Мальчик улыбнулся, но тут же строго нахмурился.

— Нужно идти,— обратился он к Белке.— Опаздывать нельзя. Что скажут ребята?

Легко поднявшись, он шагнул к спуску.
— Пошли!

Но Белка словно не слышала хозяина. Она насторожила острые уши, втягивая ветер влажным носом.

Нюргусун удивлённо посмотрел на неё и позвал ещё раз. Белка оскалила белые клыки, грозно заворчала и, прижимаясь к земле, поползла к обрыву.

— Кто бы это мог быть? — удивился мальчик.

Осторожно раздвинув ветви, он увидел у подножья сопки, среди кустарника, белого оленя. Огромные, словно выточенные из чёрного дерева рога были закинута на спину.

— Тише, Белка! — шепнул Нюргусун.— Не надо лаять. Я знаю этого оленя. Он из Тобойхского колхоза. Только вот почему он один ходит по тайге?

В этот миг олень поднял голову и, сделав огромный прыжок, скрылся в густой чаще. На лужайку тенью выскользнул серый зверь. Постоял, обнюхал землю и, опустив треугольную морду, исчез так же внезапно, как и появился.

Собака прижалась к ногам мальчика.
— Большой! — тревожно сказал Нюргусун.

Белка, услышав голос хозяина, тоненько заскулила.

— Ты что это? Испугалась? — прикрикнул он.— Белый олень, наверно, отбился от стада. Это очень хороший олень, а волк может его зарезать. Вперёд, Белка!

Поборов страх, оленегонная собака кинулась в погоню. Мальчик спустился в распадок и быстро пошёл вдоль него. На влажном мху отчётливо проступали следы оленя, иногда виднелись волчьи и — почти незаметные — Белки.

Возле сломанной бурей лиственницы Нюргусун остановился. Вытер пот со лба, зачерпнул пригоршню прозрачной воды из быстрого ручейка. Где-то близко послышался лай, и через минуту, виновато вилляя хвостом, показались Белка.

— Испугалась! — укоризненно покачал головой мальчик.— Эх, ты... Волк догонит оленя. Такого хорошего оленя!..

Солнце уже перешло на западную сторону неба. Тени от лиственниц стали длиннее. «Надо возвращаться,— подумал мальчик,— к концу соревнований ещё успею. Где же мне угнаться за таким быстрым оленем?» Он поглядел в сторону распадка.

— Была бы ты, Белка, взрослой собакой, остановила бы волка. Ну, пойдём. Расскажем колхозникам, что выпустили из рук злого зверя. Эх, Белка, Белка!

Нюргусун нахмурил брови и нагнулся, разглядывая следы. И вдруг радостно рассмеялся: «Ну и хитрый же зверь! Только мы тебя перехитрим!» На сырой почве ясно виднелись отпечатки лап волка. Но шли они не вдоль распадка, а в сторону хребта.

— Вот какой хитрый зверь! — повторил Нюргусун, снимая с плеча винтовку.— Он не идёт след в след оленю, а срезает углы. Хо! Если ему честно гнаться, разве он поймает белого оленя, самого быстрого во всём колхозе?!

Мальчик пересёк распадок и стал взбираться на сопку. Скорее, скорее. Только бы успеть! На той стороне они обязательно пробегут мимо. Обогнут сопку и пробегут.

Чем выше взбирался мальчик, тем шире становился горизонт. Вот за взгорком снова показались струйки дыма и полоска флага над Тобойхойской школой.

На лужайку тенью выскользнул серый зверь...

«Теперь опоздаю на соревнования, — подумал Нюргусун. — Ребята скажут: «Мы тебя послали на соревнования, а ты за бурндуками прогонялся»... Но нельзя же бросить оленя».

Противоположный склон сопки был отлогим. Кругом, как бивни мамонтов, торчали отшлифованные водою камни. Нюргусун уже спускался, когда за буйно разросшимся кустарником послышался топот копыт. Он с каждой секундой усиливался, становился отчётливее. Мальчик замер на месте. В просвете между кедрами показался олень, и за ним волк.

Нюргусун поднял винтовку и навёл мушку на широкий лоб зверя...

* * *

Стрелковые соревнования закончились. Комиссия подводила итоги.

— Хорошо стреляли ребята, — говорили молодые колхозники.

— Это верно, — соглашались старики. — Стреляли не хуже, чем мы в молодости.

Офицер, руководивший соревнованиями, подошёл к Омолону:

— Что же это из вашей школы не было никого?

И как раз в это время из-за ограды показался белый олень. Верхом на нём ехал Нюргусун. Впереди бежала, подняв острые уши, Белка.

— Вот он, — нахмутив брови, показал пионервожатый на мальчика.

Нюргусун прыгнул с оленя. К ногам обступивших его ребят упала волчья шкура.

Выслушав рассказ мальчика, офицер с золотыми звёздочками на погонах сказал:

— Молодец, Нюргусун. Ты сегодня стрелял очень хорошо.

А старый колхозник, разглядывая маленькое круглое отверстие на лбу зверя, добавил:

— Ты правильно поступил, Нюргусун. Спасибо тебе от нашего колхоза. Такому выстрелу позавидует всякий охотник. Я думаю, ты заслужил первый приз.

ДЕЛА ОМСКИХ ЮННАТОВ

Беспокойный адрес

Каждое утро шагает почталён по Учебной улице города Омска. Улица тихая, зелёная, какие есть на окраинах многих городов. Далеко шагает почталёну, много домов и домиков вытянулось в ряд по Учебной улице, но в каждый из них хотя бы раз в месяц доводится ему заглянуть.

Вот в этот дом часто приходят письма с треугольным штампом и звёздочкой, без марки (сын в армии!); в этом каждый месяц человек получает толстый пакет с московским штемпелем (учится в заочном институте); а в этом... ох, уж этот беспокойный адрес! Полсотни писем — самое маленькое, а то и полтораста каждый день...

Войдёт почталён в решётчатые ворота, взглянет на прямую, как стрелка, аллею и на ветви деревьев, в зависимости от времени года то в бело-розовом цвету, то согнутые под грузом румяных яблок, взбежит на крыльцо и торжественно выложит объёмистую пачку конвертов. «Омск, Учебная, 188», — написано на каждом.

«Постойте, — скажет читатель, — ведь Омск в Сибири! Много писем — это ладно, а вот много яблок...»

Да, Сибирь. Но ведь это адрес областной станции юных натуралистов и опытников сельского хозяйства! И, чтобы вас не удивляли юннатские яблоки в Сибири, давайте отложим на минуту разговор о письмах, заглянем на станцию, пройдём по её владениям.

Вдоль входной аллеи в четыре ряда вытянулись георгины. Бархатистые, исчерна-красные, пламенно-алые, золотисто-жёлтые, словно солнечные диски, нежно-

сиреневые и белые, как снег, огромные — с человеческую голову — кудрявые шары и маленькие помпоны с лепестками, словно изваянными резцом. Двести сортов их собрано здесь. Это одна из самых больших, а может, и самая большая коллекция в Сибири.

Каждый день с самого утра в георгиновом царстве слышны голоса его повелительниц — Неллы Стецкевич и других девочек из её бригады. У них обгорели носы, а косички и брови совсем выбелило солнце, — видно, что целыми днями юннатки трудятся у своих питомцев.

Аккуратно накрывают они мешочками венчики цветов, искусственно опылённые, терпеливо припудривают сахаром другие, чтобы привлечь насекомых. Георгины бедны нектаром, и девочки радуются, когда, прелыщённый сахаром, прилетает, басовито гудя, мохнатый шмель и скрывается в алых или белоснежных лепестках.

Дневники георгиновой бригады — зеркало трудов, радостей и тревог, тонкой наблюдательности и деловых выводов.

Юннатки любят свои цветы. У них зоркие глаза. Об этом говорят страницы их дневника. Самая радостная запись 9 августа: «...Зацвели гибриды, полученные посевом семян. Цветёт красный георгин, куст высотой в 70 сантиметров. Цветы одиночные, бутонов 38. Это очень хороший куст для разведения, цветы у него крупные, красивые, несмотря на то, что они не махровые». А 23 августа торжествующая запись: «Выращенные семенами георгины очень мощные, обильно цветут и могут служить украшением любого сада».

Читатели, может быть, спросят: ну зачем же выращивать георгины из семян, не проще ли высаживать клубни?

И на это отвечает в своём дневнике Нелла Стецкевич: «Выращивание георгин семенами — очень интересное и полезное дело. Обычно георгины размножают клубнями. Клубни осенью надо выкапывать и хранить в прохладном и сухом месте: их трудно сберець. Семена хранить просто и легко. Это — первое преимущество. Клубни отправлять в школы по почте нельзя, а семена можно. Во многих сельских школах теперь разводят наши георгины».

Георгины, посеянные семенами, цветут

Нелла Стецкевич, «георгиновый» бригадир, каждый день осматривает свои цветы.

в том же году. Они дают цветы самые разнообразные, самые неожиданные, непохожие на тот цветок, с которого были собраны семена. Признаки, унаследованные от рода и находящиеся в скрытой форме у родителей, проявляются в георгинах-детях, выращенных из семян, а из клубней можно получить только копию родителей.

Кроме того, насекомые переносят пыльцу с цветка на цветок; из семян получают гибриды даже в тех случаях, когда мы сами не производим искусственного опыления».

Наряду с плановой, направленной гибридизацией великий садовод Иван Владимирович Мичурин никогда не пренебрегал этим методом, называя его «кладоискательством». Из тысячи случайно возникших комбинаций человек может отобрать и закрепить то, что ему нужно. Так и делают юные цветоводы Омской станции. Вот почему расцветают у них георгины, носящие новые, ещё неизвестные специалистам имена: «юнатка», «красный галстук»,

«утренняя зорька», «солнце» и многие другие.

Там, где георгиновая аллея уходит в тень высоких деревьев, слева от неё раскинулись цветники. Ковёр? Вышивка? Не знаешь, с чем и сравнить эти клумбы, где в буйном цветении львиный зев, портулак, алиссум, астры образуют чудесные узоры. Но самое замечательное — как выращены цветы на юннатских клумбах. А выращены они посевом семян прямо в грунт по рисунку. Клумбы разрослись, и сейчас утопают в цветах таблички: «Посев под зиму», «Ранний весенний», «Средне-весенний», «Поздневесенний».

Все эти четыре способа применили омские юннаты, чтобы доказать: для разбивки цветников по рисунку не надо никакой рассады. Клумбы, посеянные по рисунку в грунт, получились во много раз пышнее, ярче и богаче, чем контрольная клумба с рассадой.

Что же это значит? А то, что каждую школу, каждый дворик в селе и в городе

можно украсить нарядными цветниками, потому что это дешево и доступно. Если цветочные семена хорошо перенесли в почве сибирскую зиму, а цветочные всходы выдержали заморозки в начале июня, значит, им ничего не страшно.

И уже многие сибирские школы, получив семена со станции, засевают под зиму узорные клумбы.

Сады и леса

В этой главе пойдет рассказ о юных садоводах и лесоводах, о том, как тополь возвращена молодость, как яблоня дала урок юннатам, как лесные жители переселились в сад.

В июле, когда созревают семена тополя, ветер носит белый лёгкий пух. На траве на дорожках, в каждой канавке, в каждой ямке белеют, словно наметённый снег, миллионы нежных тополиных парашютиков. Глядя на них, невольно задаёшь вопрос: почему тополь до сих пор не заполнил землю? Почему есть ещё место под солнцем для других деревьев, не столь богатых семенами? Для города ответ простой: их смывает дождём в водостоки, дворники, поругивая назойливый пух, безжалостно сметают его с тротуаров, да и вообще на асфальте не очень-то легко вырасти дереву. Ну, а в деревнях, в маленьких городках, просто в поле? Ветер ведь так далеко уносит крохотные парашютики с семенами-воздухоплавателями!

Оказывается, семена тополя, неприхотливого, быстро растущего, очень трудно прорастают. Уже давным-давно сложилось мнение, что тополь надо выращивать черенками: вернее, мол, и легче, чем возиться с семенами-привередами, которым неизвестно, что надо для жизни, которые не хотят давать всходы, да и только. Во всех руководствах по разведению древесных пород написано: тополь выращивают черенками. Но ни в одном из этих руководств не было написано, к чему приводит такой способ, применяемый столетиями. Об этом сказал замечательный наш учёный Трофим Денисович Лысенко.

Вы срезаете и сажаете в землю зелёный тополиный побег. Ядрёный, сочный, свежий, он быстро укореняется, гонит листок за листком — и вот уже у вас молодой тополёк. Молодой? Оказывается: нет! Сеянцу столько времени, сколько прошло с тех пор, как проросло семечко, а черенку столько лет, сколько тому дереву, с кото-

рого он срезан. В нём, маленьком, таится усталость старого дерева, или, как назвал её Лысенко, «стадийная старость дерева». Тополёк из черенка — дерево без детства и юности. Он рано начинает дуплиться, у него сохнет и умирает крона, потому что ему не пятьдесят лет, как думают люди, а, может быть, сотни лет.

Тополь можно было бы считать одной из лучших ветроломных пород, одной из самых пригодных для великого плана войны с суховеями. Но сталинские леса должны стоять столетия — зачем же сажать дерево, которое хоть и быстро растёт, да состарится через полвека? Да и с черенками возиться при грандиозных посадках трудно.

Лысенко сказал: надо выращивать тополя из семян. Ученик Лысенко, украинский учёный Колесник взялся за это, и ему после многих опытов удалось прорастить семена тополя.

Омские юннаты тоже решили выращивать тополя из семян. Они слышали об опытах Колесника, но не знали в подробностях, каким способом решил учёный задачу. Пришлось вместе с руководителем бригады лесоводов Леонидом Иосифовичем Шиховым искать своё решение. Они предположили, что семена тополя облада-

Юные лесоводы Зина и Гобик Мищенко измеряют годовалые тополыки.

ют всхожестью очень короткое время, а затем гибнут. К тому дню, когда раскрылись коробочки, выпуская по ветру лёгкий пух, юннаты были наготове; они тотчас собрали этот пух и расстелили его на хорошо полнотой «обратной грядке». Вы, конечно, догадываетесь, что если грядка «обратная», это значит, что она не выше уровня почвы, а ниже. И вот в грядку-корытце разложили ровным слоем, как вату для одеяла, тополевые семена. Полили ещё раз, чтобы прибить пух к земле, но не стали заделывать.

Стояла жара, у поверхности почвы термометр показывал 50° — 60° выше нуля. Грядка высыхала молниеносно, но через каждые 30—40 минут юннаты поливали её снова и снова. Грядка была метров на двадцать. Двадцать квадратных метров полить двадцать раз в день — это нешуточный труд! По метеоословке, в этот день такая жара была только в двух местах Советского Союза: в Омске и в Ашхабаде. Может быть, это было счастливое сочетание очень высокой температуры с трудолюбием ребят, но к вечеру, через 12 часов после посева, семена стали прорастать. А через три дня вся грядка зазеленела.

Одна грядка дала 15 тысяч сеянцев, которые в нынешнем году стали стройными саженцами и скоро пойдут в школы, на защитные полосы, в колхозы, а на «обратных грядках» зеленеют новые тысячи крохотных тополей.

Арифметическую задачу: сколько площади и сколько трудов потребовалось бы для получения такого же количества топочков из черенков — предоставляется решить читателям, а теперь поговорим о яблоне.

Для лесных полос надо много семян. Омские юннаты Надя Грязнова, Лира Ляшкова и Света Ивачева собирают семена ясенелистного клёна.

— Нынче зима была у нас совсем тёплой, — сказала мне одна из омских юннаток.

— Ну, а точнее, что значит тёплой? — стала допытываться я.

— Значит, морозы были всего 45 градусов... — ответила мне девочка.

Понятно, что «просто так» яблоню в Омске не заставишь расти. Есть три пути. Первый — выводить по-мичурински новые сорта, которые не боятся мороза. Второй — заставить яблоню стелиться, как заставил земляк омских юннатос учёный Кизюрин. Третий способ... Но поговорим сначала о первых двух.

Оба они нашли применение в юннатском саду. Не совсем правильно сказать, что в Омской области яблони не растут сами по себе. Существует знаменитая «сибирка», о которой сейчас мечтают садоводы всего мира. Вам, наверное, представляются большие, румяные, душистые яблоки «сибирки», раз о ней так мечтают? Ничуть не бывало! Они маленькие, не крупнее рябины, терпкие, горьковато-кислые. Зато «сибирка», которой не страшны никакие морозы, — замечательный подвой.

Даже мичуринским сортам холодноватого

в Сибири, но мичуринские сорта, привитые на «сибирку», отлично себя чувствуют в юннатском саду.

Есть там и стелющиеся деревья, воспитываемые по методу Кизюрин. Каждая новая ветка у яблони прикалывается к земле сучком-развилком. Зимой дерево всё «с головой» укрыто плотным снежным одеялом, и ни мороз, ни ветер ему не страшны. Но трудно заставить яблоню не расти ввысь. Если освободить дерево из плена, оно будет медленно и упрямо подниматься и распрямляться.

Так и случилось со старыми стелющимися яблонями в юннатском саду во время войны. Вот тут-то и пойдёт речь о третьем способе, который подсказала юннатам сама яблоня.

«Покорять природу, но учиться у неё» — таков девиз настоящего мичуринца. Ведь и стелющиеся яблони Кизюрин получил, учась у природы: в особо суровом климате вместо кедров и сосен растёт кедровый и сосновый стланец. Случайно вышло, что кизюринские яблони распрямились, но не случайно они окружены теперь самым пристальным вниманием юннатом.

Распрямившись, яблони не погибли, и это очень важно. Но они непохожи на обычные яблони, со стволом и кроной. От самого корня у них широко раскинулись ветки; не яблоня-дерево, а яблоня-шар, яблоня-куст, большой — в полтора человеческого роста. В таком виде она живёт год, второй, третий, не прибавляясь в высоту, зато становится всё пышнее и раскидистее. Зимой её до половины закрывают снега, а верхушка ничем не закрыта. Может быть, просто ей не страшны морозы? Но почему же тогда она не растёт в высоту?

Вывод может быть только один, и его сделали на станции. Яблоня возвышается над снежным покровом примерно на метр. Очевидно, на этой высоте ещё не так холодно, чтобы дерево погибло. А почему она не растёт выше? Да потому, что выше ей не дают расти мороз и ветер. Каждую веточку, каждый побег, который летом вытянулось в «запретную зону», безжалостно подстригают эти лютые садовники. И стала яблоня кустом, а юннатом она навела на мысль: нельзя ли выращивать в Сибири кустовые формы яблони? Вероятно, сперва надо их воспитывать, как кизюринские, стелющиеся, а потом пускать «на волю». Это и есть третий способ, который сейчас

Посмотрите на огромные колосья. Это гибрид ветвистой и твёрдой пшеницы. Слава Малёшин — один из тех, кто работал над получением нового сорта.

начала пробовать Омская станция юных натуралистов.

Посёлок Тара ещё на пятьсот километров севернее Омска, и вот в прошлом году юннатская экспедиция отправилась туда. Вместе с колхозными ребятами юные садоводы Омской станции обшарили тайгу на площади 90 километров и вернулись с богатой добычей. Они привезли лесных жителей, да каких! Сладкая крупная малина, голубика ростом с вишню, костеника, у которой так много мякоти, что её несправедливо называть костеникой, местные крыжовники, смородины. У юных садоводов верный расчёт: если в диком виде эти ягодники так хороши, значит, при соответствующем уходе, воспитании в улучшенных условиях они превратятся в великолепные новые сорта.

«Весёлая семейка»

Само название главы говорит о том, что тут дело не обойдётся без цыплят, но не обойдётся оно и без утят, и без крольчат, и даже без шелкопряда.

Ангорский кролик — комок белоснежного пуха с рубиновыми глазами. Такие кролики есть на станции у юных животноводов.

дов. Есть у них и шиншиллы с мехом серебряным, словно у дорогой лисицы. И вот ребята задумали, скрещивая две породы кроликов, вывести цветного агора. Нет возможности рассказать подробно об этой работе, но «Васька» и «Голубка» — гордость юных кролиководов — уже существуют. Они выставляют любопытные носы из своих клеток, а в третьей клетке целый выводок хорошеньких крольчат с шерстью длинной и шёлковой, как у белой ангорской прародительницы, но только престелного голубовато-серого цвета.

Цыплята вывелись в инкубаторе, а инкубатор — мечта юных птицеводов — построен ребятами из лаборатории механизации сельского хозяйства. Вот выдержки из дневника Инны Наумчук, бригадира по цыплятам:

«12 мая. Сегодня просмотрели яйца для инкубатора. Отбрали самые крупные, весом от 45 до 60 граммов. Всего 234 яйца.

18 мая. В овоскоп видно, как в яичках трепещут маленькие тёмные пятнышки, от которых отходят кровеносные сосуды...

Ночь с 3 на 4 июня. Должны выводиться цыплята. Сегодня у нас ночное дежурство. Десять часов вечера... Мы увидели первое наклюнувшееся яйцо. Татьяна Амвросиевна укладывала нас спать, да где там! Нам было не до сна.

Первый цыплёнок вывелся. Мы принялись прыгать и танцевать, выскочили во двор, бегали и радовались. Сторож спросил:

— Что случилось?

Когда мы сказали, что вывелся первый цыплёнок, сторож тоже обрадовался. Скоро выклюнулись ещё три цыплёнка, а потом пошло и пошло. Нам очень не хотелось идти домой и расставаться с цыплятами.

5 июня. Сегодня нашим цыплятам сутки. Мы в первый раз кормили их. Они обрадовались, что их выпустили из ящика, и прыгали, бегали, падали и пищали.

Я подумала: «Они ещё глупые, их надо учить». Постучала пальцем о кормушку, как наседка стучит клювом. Тогда цыплята стали подбегать и клевать.

Наша «весёлая семейка» гораздо боль-

ше той, о которой мы читали в повести Н. Носова».

Если бы мы взяли дневник Оли Грязновой, мы узнали бы, как из ста яиц, заложённых в инкубатор, вывелись утята. Утята и цыплята выводятся одинаково, и юнаты одинаково переживают появление на свет и тех и других, поэтому оставим дневник и заглянем в птичник. Там идёт страшнейший скандал в утином семействе. Так всегда бывает, когда приходит Оля и другие юные птицеводы. Ещё бы! Для инкубаторных утят, которые уже подросли и набрались опыта, это сигнал, что предстоит нечто приятное. Вот и сейчас: девочки принесли с пруда полный тазик зелёной яски, и утята, толкаясь, набрасываются на вкусное угощение.

Юные шелководы попадают в эту главу потому, что они ближайши́е соседи юных животноводов и к тому же соревнуются с ними.

Боря Баранов — бригадир. Его бригада выкармливает дубового китайского шелкопряда берёзовыми листьями для того, чтобы продвинуть шелководство в Сибирь, где дуб — редкость. Цель, как видите, та же, которая руководит работой всех омских юннатов: не только узнавать, открывать, исследовать в меру своих ребячьих сил, но и посильно служить Родине.

Из грены, посланной в Омск с Кавказа, ещё по дороге, в конверте, вывелись гусеницы. Они прошли в садках через положенные пять возрастов, послушно и с аппетитом поедая берёзовые листья. Они свили нормальные коконы, из которых вывелись красивые бабочки. Бабочки окончили свой недолгий век, отложив грены. Ребята знают: это уже не та грена, какая пришла к ним с Северного Кавказа, а новая, сибирская, и дубовый шелкопряд, который ест берёзу, как раз такой, какой нужен в Сибири. Ребят беспокоит только, не изменилось ли качество чесучовой нити. С этим вопросом они обратились в Институт шелководства, послав туда коконы.

Юннаты вынесли на прогулку своих воспитанников — пушистых малышей голубых и белых ангор.

Самое главное

Вернёмся к очередной почте станции, которую принёс почтальон. Першина Елизавета Ивановна, как торжественно именует себя автор письма, а попросту юннатка-пятиклассница Лиза Першина, пишет, что она выращивает семь клёнов для школьного сада, и просит включить её в конкурс юных садоводов. В другом письме из Любинского района сообщают, что в «Дне птиц» участвовало 8650 ребят. Они построили и развесили 7980 птичьих домиков. Вот ещё письмо-повесть о замечательных юннатских делах в далёкой Камышино-Курской школе. Аня Сильченко просит: «Дорогие натуралисты, пришлите мне несколько зёрнышек цветов и пропишите, как их посеять».

И станция шлёт каждый год не несколько зёрнышек, а тысячи наборов семян, овощных и цветочных, и «прописывает», как их посеять и вырастить. Для этого по

школам разослано 25 тысяч листовок, а областная радиостанция регулярно передаёт юннатские передачи.

На станции занимаются три с половиной сотни омских ребят, но неверно считать, что это — всё. Омская станция связана с юннатами самых отдалённых уголков области. Когда она поднимает массу школьников на какое-либо дело, то это действительно масса, это тысячи ребят.

За интересную работу с юннатами, за массовость своей работы Омская областная станция и её руководители утверждены кандидатами на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Откроется выставка, и миллионы её посетителей, приехавших со всех концов Советской страны, увидят в павильоне «Сибирь» тополя и георгины, выращенные из семян, и «всёлюю семейку» цыплят и утят, и голубых ангор, и шелкопрядов, которые едят берёзу, и многое другое, что не вместилося в этот рассказ.

Е. Рубцов

ПИОНЕРЫ НА ЗАВОДЕ

[Глава из поэмы]

Т. Тюричев

Рисунки В. Орлова

В цехе пылают
Плавильные печи
И жаркое пламя
Фонтанами мечут.

Гудят электроды
От сильного тока,
И краны проходят
Над нами высоко.

От хода их толстые
Стены дрожат,
И цех весь размеренным
Гулom объят.

И кажется, в грохоте
Этом и шуме
Всё тонет,
Лишь пламя
Печное бушует
И словно знамёна
На стенах рисует.

Трещат оглушительно
Электродуги,

Но к ним уж привыкли
Давно металлурги.

Они, словно дома,
В квартире своей,
Спокойно и важно
Стоят у печей.

Их сразу узнаешь,
Плечистых, высоких,
В спецовках суконных
И в шляпах широких.

Всю жизнь они
Дело имеют с огнём,
Мы их мастерами
Металла зовём.

Работа плавильщика
Очень сложна:
Ему, кроме силы,
Смекалка нужна.

Чтоб пещью плавильной
Уметь управлять,

Ему надо много
Учиться и знать.

Мы ближе подходим
К плавильной печи
И слышим, как что-то
Плавильщик кричит

И машет рукою
Подручным своим.
Неплохо бы нам
Познакомиться с ним.

Он высшего качества
Плавит металл
И за год сто плавков
Сверхплановых дал!

Его нелегко нам
Свободным заставить:
Он время умеет
Беречь и считать.

То в печи шихту он
Шурует шуровкой,
То спустится вниз
Торопливой походкой
Проверить, готова ли
К выпуску лётка,

Насколько и жёлоб
Для плавки пригож,
А также просушен ли
Тщательно ковш.

— Скажите, пожалуйста,
Где вы учились
И как показателей
Лучших добились!

— Видать, не по росту
Ты, парень, речист.
— А вы комсомолец
Иль коммунист!
Вопрос за вопросом
От Пети летит.
И старший плавильщик
Ему говорит:

— Знать, нравится
Наша работа тебе!
Мы все коммунисты
Сегодня в труде.
И, как говорится,
Ребята что надо!
— Но лучшая ваша,
Наверно, бригада!
— Пока что моя,
Но надолго ль,— не знаю.
Другие упорно
Меня догоняют.

Здесь первенства
Каждый мечтает добиться,
Поэтому надо
В делах торопиться.

Однажды комсорт
Нас собрал на собрание
И дал молодёжной
Бригаде задание —

Освоить особый,
Важнейший металл.
Потом по секрету
Он всем рассказал,
Что это задание
Сталин нам дал.

Глаза у плавильщика
Ярко сияют,
Ребята теснее
Его окружают,

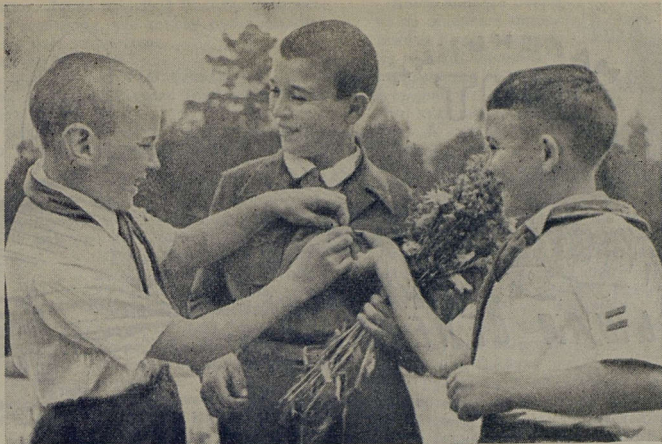
И все с нетерпением
Рассказ его ждут.
— А дальше был долгий,
Настойчивый труд.

Мы самый тяжёлый
Экзамен держали
И с честью доверье
Вождя оправдали.

Освоенный нами
Чудесный металл
Нас в сплав
Самый крепкий
Как будто спаял...

...Смотрят ребята
На цех, как на чудо,
И Петя сказал:
— Я плавильщиком буду!

В гостях у москвичей

Этот день надолго остался в памяти и гостей и хозяев. Как давнишних друзей, встретили московские пионеры пионеров Болгарии и Чехословакии, которые отдыхали этим летом в «Артеке» и, проезжая через Москву, побывали у пионеров из лагеря фабрики имени М. И. Калинина.

У ребят оказалось много общих тем для разговоров. Гости взволнованно рассказывали о своей безграничной благодарности и любви к Советскому Союзу и к великому Сталину. Они спрашивали московских ребят о работе пионер-

ских отрядов и сами рассказывали много интересного о жизни детей в странах народной демократии.

Ребята сразу подружились. И когда пришло время расставаться, девочки проводили своих новых подруг до автобуса (нижний снимок). Друзья обменялись адресами и обещали писать друг другу. А Женя Кольцов и Вова Головченко (верхний снимок), прощаясь с болгарским пионером Танчо Георгиевым, подарили ему пионерский значок.

И БОЛЬШАЯ СЕЛЁДКА

ЭСКИМОССКАЯ СКАЗКА

Анатолий Ольхон

Рисунки Ю. Кискачи

ольшое животное Кит. На мелких местах не плавает, возле речных устьев не гуляет. Ему места много надо. Глубокую воду любит Кит.

Родился он в море. У мамаша-китихи под плавником, как в кроватке мягкой, лежал. Мамаша его молоком кормила.

Морские рыбы считают Кита своим дедушкой.

«Это такая же рыба — с хвостом, с плавниками, — как и мы. Только очень старая, вот и выросла», — так думают рыбы большие, серебряночешуйные. Так говорят рыбы средние, золотопёрые. Так шушукается и мелочь пёстрая: всякие камбалы, кета, навага, треска, горбуша. И даже самая мелкота — селёдки — повторяют: «Большая рыба Кит!»

А Кит и не рыба совсем. Он и в глаза не видал рыбёшек, которые навязывают ему родство. Да и рыбёшки эти о Ките только слышали, а какой он, не знают. Рыбёшкам такого великана глазом не окинуть. Издалека если смотреть, не поймёшь, что за громадина. Остров это, или пароход, или Кит? Ближе подплыть — опять-таки не разглядишь. Стена тёмнокоричневая или серо-сизая стоит в воде, и волны об эту стену плещутся. Иная рыба около Кита всё лето кружится, и невдомёк ей, что столько времени плавала рядом с дедушкой.

Зато разговоров среди рыб про Кита много. Одни говорят, что Кит — рыбёед. Как, мол, его увидишь, так твоей жизни и конец. Не почитается, что дедушка, проглотит, и всё.

Сказки эти, конечно, не без правды. Есть киты-селёдятики: они всякую рыбу мелочью пожирают стаями. Но таких китов мало. На-

ши северные киты на рыб внимания не обращают, а питаются всякой мелочью. Во рту у них целый забор из роговых тонких пластинок. Зовут эти пластинки почему-то «китовый ус». Понапрасну так зовут. Разве усы у кого-нибудь во рту растут?

Раскроет Кит свою пасть, захватит вместе с водой каракатиц, моллюсков, медуз и всякую другую мягкотелую морскую живность, а потом сжеживает, как через сито, сквозь роговые пластинки воду.

Как олень в тундре, привольно пасётся Кит в море. О рыбьих сказках он не слышал. А услышал бы, так удивился. Ну что рыбёшки о Ките могут знать?! Сколько весит самая большая камбала? Килограммов десять. А в нём, в Ките, и побольше шести тысяч пудов бывает. На килограммы посчитать, будет за сто тысяч! Одного жира в Ките бочек тридцать.

Была когда-то одна спесивая Селёдка. Селёдка эта родилась в чужом южном море и считала себя самой большой рыбой во всех морях и океанах. Наслушалась эта самая большая Селёдка сказок про китов. И про то, что они рыбёеды прожорливые с ногами и клычками, и про то, что они такие же рыбы с хвостами и плавниками, и про то, что Кит живых детёнышей приносит, и про то, что из икры, по-рыбьему, китята выводятся.

И стала Селёдка завидовать Киту: ишь, сколько про него рассказывают разных сказок! А почему про неё никто ничего не говорит?

Решила Селёдка повидать Кита, ростом с ним померяться, умом потягаться. Да ещё, кто знает: вдруг Киту советник нужен? Что ж, она, Селёдка, могла бы старику кое-что и по-

советовать. Давно уже этой Селёдке казалось, что она особенная, что другие рыбы должны, глядя на неё, удивляться.

А чем их удивить?

— А вот удивало! Рыб удивало, и Кита удивало, а себя прославлю! Про меня сказки говорить буду!

Так решила Селёдка и поплыла на Север. Плывла и всем встречным рыбам рассказы-вала:

— Хочу с Китом поговорить. Много о старике толкуют. Узнать надо: что правда, что неправда. Думаю я, что Кит совсем не такой большой, как про него рассказывают.

Рыбы плавниками помахивали, жабрами пошевеливали, совет подать не решились. Чем дальше на север плыла Селёдка, тем молчаливее становились рыбы. Селёдка стала приглашать встречных:

— Давайте поплывём вместе; я с Китом говорить буду, а вы посмотрите, послушаете.

— Зачем нам Кита беспокоить?—отвечали рыбы.

— Как это, зачем?—возмущалась Селёдка.— Узнать надо, кто из нас больше: он или я?.. Такой ли большой Кит, как в сказках говорится?

— На то и Кит, чтобы про него сказки говорились. Не тебе, Селёдке, с Китом тягаться. Пустое ты задумала,—отвечали рыбы и плыли, куда кому надо.

Треска, камбала, сёмга—эти даже стали подшучивать над Селёдкой. А дерзкая рыба—морской окунь—осмелилась назвать Селёдку глупой. Селёдка похудела от обиды, стала совсем тощей, но от своей затеи не отказалась.

Долго плавала Селёдка по северным морям, искала Кита. Один раз на пароход налетела—отшвырнуло её волной в сторону от винта так, что чешуйки посыпались.

В другой раз вокруг острова большого проплыла—всё ей казалось, что это Кит. После таких приключений Селёдка плыла мимо настоящих китов и принимала их за острова. Киты, конечно, Селёдку не замечали. Однажды самый что ни на есть маленький Кит втянул её в пасть. Ударившись о пластинки китового уса, Селёдка там на минуту застряла. Но Кит выплюнул обратно в море жёсткую, костлявую Селёдку. Селёдке показалось, что её закрутило водоворотом. Как могла она подумать, что побывала у своего дедушки во рту?!

Поплыла Селёдка дальше.

— Где же он, Кит? Сколько плыву, ни одного не встретила. Да существуют ли они вообще? Может, они только в сказках бывают? Или киты такие маленькие, что простым глазом их не видно?!—ворчала Селёдка, много раз проплывая под китовыми плавниками.

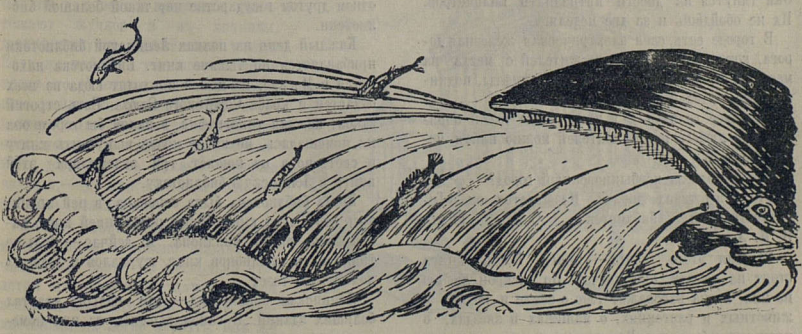
— Китов нет и не было,—с такой вестью вернулась Селёдка в южные моря.

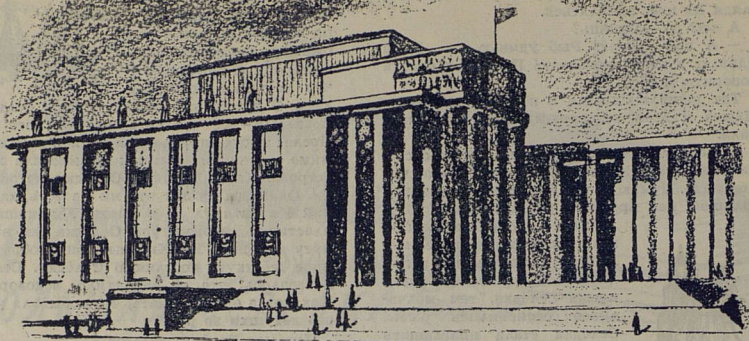
С нею никто не спорил. Нет китов, ну и ладно. А сказки?

— И сказки про китов надо забыть,—говорила Селёдка,—про меня надо сказки рассказывать.

И опять никто из рыб с ней не спорил, но и сказок про Селёдку никто не складывал. Кто будет рассказывать сказки про ничтожную спесь?

А сказок про китов не забывали. Зачем забывать сказки?!

ГОРОД ТВОИХ ДРУЗЕЙ

А. Дорохов

Рисунки Ф. Лемкуля

Существует удивительный город.

В этом городе вдвое больше жителей, чем в Москве. И нет ни одного, который не мог бы рассказать тебе что-нибудь интересное и нужное.

В этом городе десять площадей. Они всегда полны гостей, но на них царит тишина.

Главный дом этого города высотой в восемнадцать этажей, и по всем этажам проходят улицы. Они тянутся на двести пятнадцать километров. Их не обойдёшь и за две недели.

В городе есть своя электрическая железная дорога, которая перевозит его жителей с места на место. Есть в нём подземный ход и лифты, поднимающие жителей с этажа на этаж.

Но самое главное — в этом городе такой порядок, что любого из его жителей можно найти через два часа.

Что же это за необыкновенный город?

Это город твоих друзей. Называется он «Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина».

Жители этого города — книги. Когда книги стоят на полках, они молчат. Но раскрой любую из них, и она расскажет тебе о земле и людях, о животных и растениях, о машинах и звёздах, о прошлом и будущем. Вот почему книги — лучшие твои друзья. Они всегда готовы поделиться всем, что хранят на своих страницах.

Улицы этого города — книжные полки. Площади — читальные залы.

КНИЖНЫЙ ШКАФ В 18 ЭТАЖЕЙ

Ленинская библиотека — главная библиотека нашей страны. В ней хранятся все книги, журналы и газеты, которые напечатаны у нас, и множество книг, изданных в других странах. Ни в одном другом государстве нет такой большой библиотеки.

Каждый день на полках Ленинской библиотеки прибавляется по тысяче книг. Библиотека находится в Москве, но книги приходят сюда из всех областей и краёв Советского Союза. Есть строгий закон: каждая типография, в каком бы городе она ни помещалась, не имеет права выпустить книгу в свет, пока не пошлёт три экземпляра этой книги в Ленинскую библиотеку.

Когда библиотека была основана, в ней хранилось сто тысяч книг. Перед революцией книг накопилось около миллиона. А сейчас — больше тринадцати миллионов книг, журналов и годовых комплектов газет.

Ленинская библиотека — это целый квартал больших зданий. В самом высоком из них помещается основное книгохранилище.

Тому, кто впервые сюда попадает, может показаться, что он находится внутри громадного книж-

ного шкафа. Повсюду тянутся бесконечные полки, на которых рядами, плотно прижавшись обложками друг к другу, стоят книги.

В книгохранилище восемнадцать этажей. На каждом этаже множество отделений с несколькими ярусами полок. Стеллажи для полок сделаны из лёгкого металла. Пол между этажами тоже сделан из металлических решёток, по которым проложены маленькие рельсы. Когда библиотекарю надо быстро достать книгу, стоящую в верхнем ряду, он легко подвигает по рельсам к нужной полке лесенку на колёсиках.

В самые суровые зимние морозы и в самые жаркие летние дни в хранилище стоит одна и та же температура. Здесь постоянно поддерживают одинаковую влажность воздуха. Это нужно потому, что в слишком горячем и сухом воздухе бумага пересыхает и становится ломкой. В сыром и холодном воздухе на страницах книг может появиться плесень.

Даже яркий свет книгам вреден. От солнечных лучей бумага желтеет, краска шрифта и рисунков выцветает. Поэтому в окна хранилища вставлены матовые стёкла, которые рассеивают свет.

В хранилище нет пыли. Её уничтожают при помощи мощных пылесосов. Ты можешь попросить книгу, которую никто не брал много лет, и тебе дадут её совершенно чистой.

У книг есть опасные враги. Это маленькие жучки-точильщики, которые откладывают яйца в переплёты и между страницами. Личинки этих жучков прогрызают извилистые ходы через всю толщину книги, и ценная книга постепенно превращается в бумажную труху.

Но город книг имеет и своих врачей. Они зорко следят, чтобы в хранилище не завелись вредители, уничтожают жучков и их личинки, дезинфицируют заражённые книги. Если же найдётся уже повреждённая книга, то её отправляют в специальную книжную больницу. Там осторожно подклеят пострадавший листок, укрепят его прозрачной обложкой, дорисуют те буквы, которые исчезли, — и книга снова сможет служить читателям.

По есть такие старинные и редкие книги, которые опасно выдавать в читальные залы. За несколько столетий их страницы стали слишком ветхими. Как осторожно их ни перелистывай, их легко порвать. Как же читать такую книгу, не прикасаясь к ней?

Для этого устроен кабинет микро-

фильмов. Здесь особенно ценные книги страницы за страницей снимают на плёнку при помощи специального уменьшающего фотоаппарата. В маленькой катушке плёнки, не больше спичечного коробка, уместаются тысячи крохотных снимков отдельных страниц. Читателям выдают не самую книгу, а коробку с плёнкой, на которой она снята. Плёнка вставляется в аппарат «возлебного фонаря», отбрасывающий на экран увеличенное изображение каждой страницы. И книгу можно теперь читать, не снимая её с полки.

КАК ВАЖЕН ТОЧНЫЙ АДРЕС!

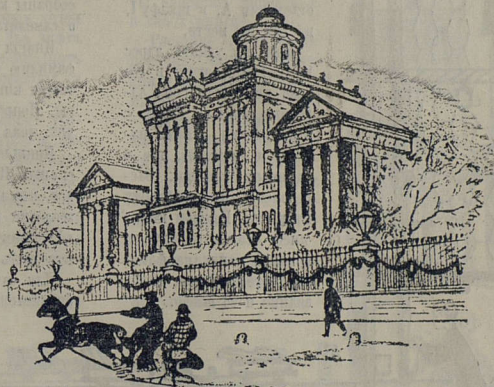
У каждого из вас, конечно, есть свои книги. И, наверное, не раз бывало так: понадобится какая-нибудь книга, а где она лежит — неизвестно. Начнёшь искать, перероешь весь шкаф и, наконец, найдёшь на самой последней полке.

В Ленинской библиотеке на каждой полке больше книг, чем у любого из вас дома. И чтобы перебрать все книги библиотеки по одной, нужно потратить не меньше трёх — четырёх лет.

А ведь каждый день в Ленинскую библиотеку приходят четыре тысячи читателей. Всем им нужны разные книги, и не одна, а несколько. Что бы сказали читатели, если бы им предложили подождать годик — другой, пока библиотекарь разыщет нужную книгу?

Но такого случая не бывает. Какая бы книга тебе ни понадобилась, её найдут сразу же.

Это возможно только потому, что у любого из тринадцати миллионов жителей города книг есть

Старое здание Ленинской библиотеки. В этом здании, построенном великим русским зодчим В. И. Баженовым, в июле 1861 года разместили картины, книги и старинные рукописи, собранные графом Румянцевым и переданные им государству. Библиотека называлась раньше Московским Публичным Румянцевским музеем.

свой постоянный точный адрес. Этот адрес написан на обложке книги. Выглядит он примерно так: К $\frac{211}{106}$. Буква обозначает то отделение хранилища, в котором находится книга. Верхняя цифра указывает на номер шкафа, где она стоит, а нижняя цифра — на место книги на полке.

Такой адрес книги называется её шифром. Этот шифр никогда не меняется.

Почти сто лет назад, когда библиотека была основана, все книги расставили по местам и на каждой написали её шифр. С тех пор ни одна новая книга не ставится на полку, пока не получит своего постоянного адреса.

В 1941 году была закончена постройка огромного здания нынешнего книгохранилища. Книги переехали на новое место, но адрес у каждой остался прежний. Та книга, которая стояла в 1862 году в зале А, в шкафу I, на первом месте, сегодня стоит в новом здании тоже в отделении А, в шкафу I, на том же месте.

Как же узнать адрес книги? Для этого в городе книг есть свои адресные столы. Рядом с читальными залами находятся комнаты, где в длинных ящиках расставлены по алфавиту карточки. Каждая книга имеет свою карточку, на которой написана фамилия автора книги, её название и её шифр.

Достаточно найти карточку нужной книги, и ты узнаешь её точный адрес в книгохранилище.

Но далеко не все читатели знают, как называется книга, которую они хотят прочесть, и кто её автор. Многие приходят в библиотеку и спрашивают:

— Дайте мне, пожалуйста, какую-нибудь книгу, где подробно написано о планете Марс.

— Мне нужно статью о самолёте Можайского. Я видел её в прошлом году в каком-то журнале.

— Есть интересный роман Мамина-Сибиряка о золотопрокателях, но я не помню, как он называется.

Таким читателям надо помочь. Куда им обратиться за советом?

В городе книг есть свои справочные бюро. Здесь тебе скажут, как найти нужную книгу.

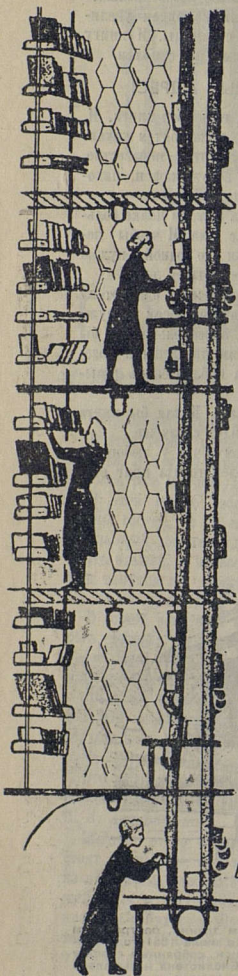
В главном справочном бюро Ленинской библиотеки стоят на полках пятьдесят тысяч особенных книг. Это книги о книгах. В них можно отыскать списки всех книг о планете Марс, выяснить, в каком журнале и когда была напечатана статья о самолёте Можайского и кто её написал, узнать, как называется роман Мамина-Сибиряка о золотопрокателях.

При каждом читальном зале есть свои справочные бюро. Здесь для читателей устроены разные каталоги. Для тех, кто знает фамилию автора книги, карточки книг разложены по алфавиту фамилий. Для тех, кто помнит только название книги, карточки разложены по алфавиту названий. Для тех, кто не знает ни того, ни другого, собраны карточки всех книг о звёздах, всех книг о самолётах, всех книг о растениях.

Иногда трудно найти нужную книгу, даже зная фамилию её автора. Есть, например, несколько тысяч книг, которые написали различные Ивановы. Попробуй перебрать несколько тысяч карточек, пока попадёшь на нужную!

Пришлось завести особый каталог книг, написанных Ивановыми, и расставить по алфавиту всё, что ими написано по агрономии, ботанике, зоологии и другим наукам. Теперь, чтобы найти «Учебник географии» Иванова, достаточно лишь перебрать карточки Ивановых на букву «У».

Для самых маленьких посетителей Ленинской библиотеки устроен свой каталог. Здесь на каж-

дой карточке нарисована картинка. Даже самый неопытный читатель детского зала рассмотрит картинку и поймёт: эта книжка про зверей, а эта — про машины.

У НИХ ЕСТЬ СВОЕ МЕТРО

Ты нашёл в каталоге карточку нужной книги и написал на своём требовании фамилию её автора, её название и шифр. Теперь книгу надо достать.

В Ленинской библиотеке десять читальных залов. Все они расположены в разных зданиях. А книги находятся в здании книгохранилища. Если бы за каждой потребованной читателем книгой библиотекари совершали дальние путешествия из читального зала в книгохранилище, понадобилась бы целая армия библиотекарей. И все они с утра до вечера только и бегали бы взад и вперёд.

В Ленинской библиотеке устроено иначе. Работники читальных залов только принимают требования от читателей и выдают им книги. Работники книгохранилища только доставляют книги с полки, узнавая их адреса по написанным на требованиях шифрам.

А путешествуют туда и обратно книги и требования сами.

Под городом книг проложен подземный ход. Он соединяет все здания библиотеки с книгохранилищем. По этому ходу проведена железная дорога. По ней один за другим пробегают электрические поезда с открытыми вагончиками. Пассажиры этого маленького метро — книги.

Между читальными залами и подземным ходом спускают вверх и вниз небольшие лифты. Два лифта непрерывно движутся через все восемнадцать этажей книгохранилища. В них опускаются и поднимаются тоже книги.

Работник диспетчерского пункта вложит требование читателя в металлический патрон и укрепит патрон в кабинке лифта. Лифт поднимет патрон и сам выронит его в том этаже книгохранилища, где стоит нужная книга. А затем тот же лифт спустит книгу в подземный ход прямо к станции железной дороги. Электрический поезд домчит её мигом до здания читального зала. Другой лифт поднимет её в самый зал.

Но есть книги, которые нужны то одному, то

другому читателю каждый день. И нет смысла заставлять их всё время путешествовать.

Такие книги поселены поближе к читателям. Для этого при каждом читальном зале устроено своё книгохранилище поменьше. Например, в детском читальном зале всегда под рукой шестьдесят тысяч разных книг и учебников, которые чаще всего спрашивают ребята. И если ты попросишь бани Крылова, сказки Пушкина или учебник геометрии, то библиотекарь не пошлёт за ними электрический поезд, а просто снимет книгу с полки и даст её тебе сразу.

Не будь всех этих устройств, помогающих библиотекарям, Ленинская библиотека не могла бы выдавать читателям по семи миллионов книг за год.

* * *

Ленинская библиотека — самая большая библиотека нашей страны.

Твоя собственная библиотека, может быть, самая маленькая из всех.

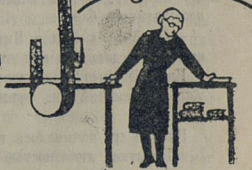
Но будет очень хорошо, если, прочтя этот рассказ о городе книг, ты наведёшь порядок и в своих книгах.

Расставь их в таком порядке, чтобы любую книгу можно было сразу найти.

Заведи каталог своих книг и заноси в него каждую новую книгу.

Храни свои книги так же бережно, как их хранят в Ленинской библиотеке.

Помни, что книги — твои верные друзья и помощники.

Илья Ефимович Репин

(из личных воспоминаний)

Корней Чуковский

I

Был под Петербургом дачный посёлок — Куоккала. Я поселился там в 1907 году на зиму вместе с семьёй.

Кто-то из местных жителей сказал мне, что здесь недалеко живёт Репин. Я, конечно, и не мечтал познакомиться с ним. Хоть бы издали посмотреть на него!

Но как его увидишь? Ведь он знаменитость. Его имя гремит на весь мир. Не ходит же он пешком, как обыкновенные люди. Промчится, должно быть, в закрытой карете на четвёрке великокопных коней, так что и не разглядишь ничего, кроме кучера.

А увидеть его мне очень хотелось. Я с детства благоговел перед ним. Он был для меня таким же титаном, как Гоголь, Лев Толстой или Глинка.

Прожив в Куоккале месяца три, я оставил всякую надежду увидеть его. За это время я познакомился со многими местными жителями: и с аптекарем, и с почтарём, и с хозяином продуктового магазина «Меркурий», и с сапожником Койранен, и с каким-то очень общительным, уже немолодым человеком невысокого роста, который постоянно встречался мне то на почте, то в булочной, то в магазине «Меркурий».

Я решил, что он бывший военный. На нём была чёрная шинелька с накидкой, и держал он очень прямо, грудью вперёд, по-военному. Кто был этот человек, я не знал.

Как-то в начале зимы вдруг приходит он ко мне на дачу, подаёт какое-то письмо и говорит неожиданным басом:

— Сейчас я был в Питере, и Иван Иванович просил передать вам вот этот пакет.

Иван Иванович был газетный работник, давнѐе уже докучавший мне разными мелкими просьбами.

Письмо его начиналось такими словами:

«Пользуясь любезностью Ильи Ефимовича Ре-

пина, который передаст вам эту записку, спешу сообщить вам...»

Дальше я не читал. Мысль, что здесь, передо мной, в этой комнатке, Репин — создатель «Бурлаков», «Запорожцев», «Ивана Грозного с сыном», «Крестного хода», «Не ждали», автор гениальных портретов Мусоргского, Писемского, Гаршина, Пирогова, Владимира Стасова, — буквально ошеломила меня. Я остолбенел, растерялся и не мог выговорить ни одного слова.

Когда в Третьяковской галерее или в Русском музее смотришь десятки и десятки картин, написанных репинской кистью, Репин кажется гигантом, великаном. Самое количество этих картин поражает своей колоссальностью. Дай другому художнику хоть триста лет, он не создал бы и десятой доли того, что было создано Репиным. Я уже не говорю о громадной силе его мастерства, о страстном его темпераменте, о непревзойдённом могуществе его реализма.

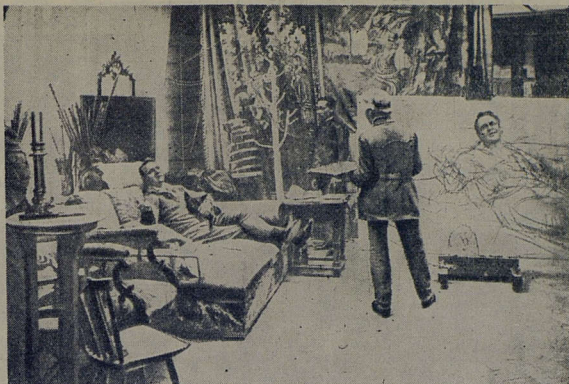
И вот он стоит передо мною. Небольшого роста, с маленькими, изящными ручками, с улыбающимся обветренным лицом. Совсем простой и даже как будто застенчивый, словно и не знает, что он Репин!

Я рассказываю здесь об этом небольшом эпизоде, чтобы читатель мог ясно представить себе, каким скромным был этот гениальный художник. Впоследствии, когда я близко познакомился с ним и бывал у него почти ежедневно, я сотни раз убеждался, что никакого сознания своего превосходства перед другими людьми не было в его могучем характере.

Иногда его скромность казалась мне даже чрезмерной. Особенно, когда он говорил о своём творчестве.

Каждую свою картину он считал неудачей, ибо его требования к себе были так велики, что даже он, замечательный мастер, не мог удовлетворить этим требованиям.

К нему вполне применимы слова, с которыми Некрасов обратился к Белинскому:

И. Е. Репин в мастерской на своей даче «Пенаты» пишет портрет Ф. И. Шалапина. Фотография 1914 года.

Не думал ты, что стоишь ты венца.
И разум твой горел, не угасая,
Самим собой и жизнью до конца
Святое недовольство сохраняя. —
То недовольство, при котором нет
Ни самообольщения, ни застоя...

Это «святое недовольство» свойственно только огромным талантам: Булинекому, Гоголю, Некрасову, Репину. Бездарности не знают этой муки.

Когда один из знакомых назвал его, Репина, великим художником, Репин поспешил возразить ему в горячем письме:

«Вы знаете, какой я простой, обыкновенный человек, а вы ставите меня на такой грандиозный пьедестал, что, если бы я взлез на него, вы сами расхохотались бы, увидев мою заурядную фигуру, вскарабкавшуюся так высоко...»

В одном из своих писем ко мне он высказывался о себе ещё более сурово:

«Вы ближайший и многократный свидетель моих больших усилий и потуг над писанием моих неталантливых картин».

Мне часто приходилось сопровождать его на выставки и в Русский музей, и я видел, как он страдальчески морщится, глядя на свои произведения.

— Пойдёмте! Пойдёмте! Ну, что тут стоять? — сказал он своей ученице Верёвкиной, с восхищением разглядывавшей одну из его музейных картин. И в этом внезапном раздражении ученица узнала «его вечную болезненную неудовлетворённость своим творением».

«Едва ли свет производил большего страдальца от неудовлетворённости своими произведениями, — признавался он в одном письме. — При встрече со своими картинами на выставках, в музеях я чувствую себя безнадежно несчастным».

II

Это «святое недовольство» заставляло Репина отдавать все свои силы работе. Он никогда не удовлетворялся достигнутым. Я не помню дня, когда бы он прожил без карандаша и кистей.

В его мастерской всегда было семь или восемь полотен, над которыми он одновременно трудился, и рядом с этой мастерской была ещё одна — тайная, — где также писались ещё три или четыре картины.

Портреты он создавал в невообразимом количестве; при мне написал Горького (в профиль), Бороленко, Шалапина, Бехтерева, Маяковского, Янисского, Щепкину-Куперник, художника Бродского, режиссёра Евреннова, артистку Яворскую и т. д., и т. д., и т. д. В то же время он работал над такими картинами, как «1905 год», «Самоожжение Гоголя», «Пушкин на экзамене», «Черноморская вольница», и, когда от переутомления у него стала сохнуть правая рука, — та чудотворная рука, которая создала столько бессмертных сокровищ, — он научился писать левой, чтобы ни на один день не отрываться от живописи.

А когда от старческой слабости он уже не мог держать в руках палитру, он повесил её на шею

Арест пропагандиста.

И. Репин.

и работал так с утра до ночи. И даже уходя из дому, пользовался каждой свободной минутой, чтобы рисовать карандашом. Он рисовал всюду: в театре, на улице, в вагоне железной дороги, в гостях, — где случится. Чтобы развесить по стенам все рисунки, которые он сделал в течение жизни, потребовалось бы по крайней мере десятиэтажное здание.

Когда доктора приказали ему отдыхать часа два среди дня, я часто читал ему вслух, надеясь, что он под моё чтение задремлет. Но уже через десять — пятнадцать минут он хватал карандаш и бумагу (если не было под рукою альбома) и начинал изображать те события, о которых я в данную минуту читал.

Рисовал он быстро, с необыкновенною страстью. Когда он писал мой портрет, он поставил рядом с холстом зеркало (он любил проверять свою живопись отражением в зеркале). Благодаря этому я увидел то чудо, которое впоследствии всегда изумляло меня, когда я наблюдал его работу над другими портретами: он взял уголь и на белом холсте с фантастической скоростью нарисовал весь мой контур с головы до колен необыкновенно лёгким, безошибочным и смелым движением руки. В две минуты начертил меня всего одним молниеносным штрихом. И сходство получилось разительное. Такой энергии, такой виртуозности я не ждал даже от него. Недаром художник Крамской говорил о нём, что он набрасывает

ся на холст, «точно в ярости какой-то»; эта «ярость», эта страстность, этот нервный подъём ощущались у него в каждом мазке.

Вообще его реализм был бурным и пламенным. Спокойное изображение мирного обывательского житья-бытья никогда не привлекало его. Ему по плечу было изображение тех душевных катастроф и ураганов, во время которых человек переживает события, выводящие его далеко за пределы равной, налаженной жизни.

Репин всю жизнь жадно тяготел к революции. Не было в России другого художника, в картинах которого с такой вулканической страстью бурлило бы революционное чувство.

Уже первая его картина — «Бурлаки» — есть грозный обвинительный акт против эксплуататорского самодержавного строя. Вот в каких вьючных животных превращает этот гибельный строй умных, работающих, талантливых русских людей! У бурлака, что идёт впереди, такое мудрое, одухотворённое лицо. И лохматый силач рядом с ним и юноша в рваной рубахе, бурно негодующий на свою рабью судьбу, — какая это несокрушимая народная сила! Показывая свою картину друзьям — она находилась тогда в частном собрании, — Пяль Ефимович с тёплым участием говорил о каждом бурлаке. Он знал биографию каждого, и в его голосе слышалось глубочайшее уважение к ним, уважение к своему народу.

Да, русский народ под ярмом, говорит эта картина, он замучен жестокими условиями жизни, но взгляните в этих порабощенных людей, какая в них несокрушимая духовная мощь!

Или вспомним, например, «Отказ от исповеди»: мрачный каземат, где томится в ожидании казни революционный боец, приговорённый к повешению. Лицо у него замученное, в его глазах предсмертная тоска — и в то же время сколько в этом лице величавости, гордости, презрения к врагам, уверенности в близкой победе! Терпеливый политик пытается склонить его к церковному покаянию, к молитве, но он даже перед лицом неминуемой смерти остаётся верен своим убеждениям. Революция, которая творится такими людьми, не может не победить! Такова неотразимая идея картины.

Другая картина Репина — «Арест пропагандиста». Пусть самодержавие вооружено до зубов, пусть оно обрушивается на революционеров всеми своими урядниками, сотскими, шпионами, полицейскими, — арестованный революционер спокойно и бесстрашно стоит среди них в полном сознании, что победят не они.

В картине Репина «Заседание Государственного Совета» явственно показаны вся трухлявость, безжизненность и пустая напыщенность высшего учреждения Российской империи.

При взгляде на эти репинские картины невозможно забыть, что гений Репина сформировался в шестидесяте годы, что художник пламенно любил Чернышевского (он даже в старости хотел написать картину «Гражданская казнь Н. Г. Чернышевского»), что его лучшим другом и учителем был выдающийся художественный критик-демократ В. В. Стасов.

Самая идея монархизма была ненавистна Репину.

«Что за нелепость — самодержавие! — восклицал он в одном письме. — Какая это неестественная, опасная и отвратительная по своим последствиям выдумка дикого человека!»

Я случайно узнал, как злобно отозвался об одной репинской картине (в письме к Александру III) мракобес Победоносцев; я выписал этот отзыв и послал его Репину. Илья Ефимович ответил мне так:

«Строки Победоносцева и выписывать не стоило: не в первый раз я вижу, какое это ничтожество, полицейский. А Александр III — осёл во всю натуру. Всё яснее и яснее становится приготовленная ими самими для себя катастрофа».

Весь свой могучий талант Репин отдал на то, чтобы эта «катастрофа» непременно случилась.

Выше я говорил о замечательных качествах Репина: о его феноменальной скромности, о его трудолюбии, о силе его мастерства.

Необходимо отметить ещё одно качество: неутомимое, ненасытное стремление к знаниям. Он постоянно посещал всевозможные лекции, изо дня в день читал книги и многие из них воспринимал как события. Среди его друзей были учёные: Д. П. Менделеев, И. П. Павлов, В. М. Бехтерев, И. Р. Тарханов, и он с особым увлечением писал их портреты.

Он был ещё молодым человеком, когда Стасов писал о нём Льву Толстому:

«Репин умнее и образованнее всех наших художников».

Как-то, возвращаясь с ним из Питера в звёздную ночь, я был поражён его знанием астрономии. Он не только называл все созвездия: он приветствовал их, как старых друзей. Отлично знал всемирную историю, литературу всех стран, помнил целые страницы из Иллиады, из Пушкина, Некрасова, Гоголя.

С негодованием он говорил о художниках, которые мало читают и держатся в стороне от науки. «Искусство без науки — чревоущевание, шаманство, — сказал он при мне одному из таких горе-художников. — Современное искусство без науки немислимо!»

Встречаясь с учёными, Репин постоянно просил их, чтобы они рассказали ему о своих трудах и исследованиях. Путешественника расспрашивал о его путешествиях, хирурга — о его операциях. При мне академик Бехтерев излагал ему теорию гипнотизма, и нужно было видеть, с каким благоговением слушал его лекцию Репин. Познакомившись у меня на даче (летом 1916 года) с В. В. Маяковским и придя в восхищение от его поэзии и от него самого, Репин неутомимо слушал его декламацию, и едва он кончал одно стихотворение, просил прочитать другое: «Ещё! Ещё! Ещё!»

Вообще он больше любил слушать, чем говорить, и особенно не склонен был говорить о себе. Всегда жадно интересовался своим собеседником, а о себе либо молчал либо отделивался немногословными общими фразами.

Незадолго до того, как ему исполнилось семьдесят лет, я стал усиленно просить его, чтобы он описал свою жизнь. Жизнь его была замечательна: сын простого солдата, он рано покинул семью, кое-как добрался до Питера и здесь, живя впроголодь, не имея порою денег на кисти и краски, одной только любовью к труду и к искусству завоевал себе бессмертную славу.

— Илья Ефимович, вы обязаны описать свою жизнь.

— И кому это интересно? К чему?

По вот наконец как-то осенью, когда рано темнеет и заниматься живописью нельзя, он взялся за перо и в несколько месяцев, к великой моей радости, написал груды бумаги для своей книги «Далёкое близкое». Книга должна была составить его биографию, но, когда зимою он стал читать нам главу за главой, оказалось, что и здесь он меньше всего говорит о себе. Много страниц посвящено Антокольскому, Серову, Фёдорову Васильеву, Куинджи, Льву Толстому, Гаршину, а о себе — вскользь, мимоходом, по случайному поводу. Так что приходилось то и дело упрашивать:

— Ветавьте, пожалуйста, хоть несколько страниц о себе!

Даже главу о том, как он впервые почувствовал в себе призвание к искусству, он написал после наших усиленных просьб.

Книга эта вышла лишь в советское время.

Читая её, нельзя не прийти к убеждению, что, если бы Репин не отдал всю душу живописи, из него мог бы выйти отличный писатель.

Вся эта книга написана во славу Родины и замечательных русских людей. С энтузиазмом пишет в ней Репин о пламенном борце за национальное, родное искусство Владимире Стасове, о своём

учителе Крамском, организаторе знаменитой коммуны художников, основателе передвижных выставок, возглавившем борьбу за демократическую, идейную живопись. Вся книга проникнута гордой уверенностью в непревзойдённой талантливости русских людей.

Вобщем всё искусство Репина было русское: не только потому, что в огромном большинстве его картин изображается русская жизнь, но и потому, главным образом, что самый стиль его живописи, реалистический, глубоко правдивый, без внешних эффектов, отражает в себе русский национальный характер.

Ещё молодым человеком, впервые очутившись на чужбине, Репин послал в Академию художеств заявление, что он не хочет оставаться за границей:

«В голове у меня больше русские сюжеты. Недолго я буду здесь коротать век. Надо Русь изучать».

И уехал из Парижа в Россию «снова прикоснуться к родной земле», и это прикосновение сделало его великим художником. Весь свой гений он отдал Родине. И товарищ Сталин в своей памятной речи 6 ноября 1941 года назвал имя Репина в числе величайших имён, составляющих славу России.

Не ждали.

И. Репин.

БУРЛАКИ НА ВОЛГЕ.

И. Репин.

ПУШКИН НА ЭКЗАМЕНЕ В ЛИЦЕЕ.

И. Репин.

ЗАПОРОЖЦЫ.

И. Репин.

САТЖАН

Сапаргали Бегалин

Рисунки Евг. Васильева

Птицы на скале

С ранней весны Сатжан и его товарищ Шанай пасли колахозных телят. Самым лучшим местом для пастбы они считали долину у подножия высокой скалы и каждый день пригоняли сюда телят. Вот и сегодня мальчики пригнали телят к скале. Впереди стада бежал верный спутник ребят, пёс Барбосар. Когда телята разбрелись по сочной траве, Барбосар занял свой обычный пост на пригорке, откуда было далеко видно вокруг.

Солнце уже начинало пригревать, и телята, прячась от него, медленно брели вверх по ущелью, направляясь туда, где берёт начало маленький ручёк. Сатжан и Шанай уселись на густой траве в тени кустарника. Здесь, в ущелье, почти не было мошкар, и скотина паслась спокойно.

— Хорошо, — сказал Сатжан.

И правда, кругом было очень хорошо. Высокая, сочная трава бастела в лучах солнца. Густо зелнели кусты тальника. В ясном небе высоко парил беркут, высматривая добычу. Ярко освещённая солнцем скала была похожа на сторожа, стерегущего ущелье.

Вдург где-то сверху послышался слабый писк. Он доносился почти с вершины скалы. Сатжан толкнул Шаная:

— Слышишь? Где-то здесь на скале гнездо! Может, ястреб?

— Ну да! Наверное, простой мышелов, — равнодушно ответил Шанай.

Но Сатжан не мог успокоиться. Ему вспомнились рассказы стариков-охотников о хищных птицах, которые гнездятся в высокох отвесных скалах. «Вот бы достать птенца беркута, — не раз мечтал Сатжан. —

Вырастить его, обучить, а потом охотиться, как дядя Серикбай». Дядя Сатжана славился на всю округу как самый опытный охотник. Он хорошо знает повадки птиц. Недаром он каждый год перевыполняет норму по поставке пушнины. А своего беркута дядя бережёт больше, чем коня... Один раз Серикбай дал мальчику подержать птицу. Беркут был тяжёлый, и Сатжан не смог удержать его в одной руке. Но тогда Сатжан был маленьким, а сейчас он вырос. «Эх, если б поймать птенца!..» — опять подумал мальчик.

— Смотри, смотри! — вскрикнул он вдруг.

Скала ущельем пролетели две большие птицы. Сделав полукруг, одна из них порхнула в щель, откуда раздавался писк. Другая опустилась на выступ скалы. Это были ястребы.

— Я говорил, что это пищат ястребят! — шепнул Сатжан.

Он встал с места и шагнул в сторону скалы.

— Ты куда? — окликнул его Шанай.

— Как только ястребы улетят, пойду доставать птенцов!

— И я с тобой!

— А кто за телятами будет смотреть? Нет, вы с Барбосаром побудьте здесь. Я быстрю...

Скала казалась недоступной. Но всё-таки Сатжан решился и полез. Подъём был не лёгок. С мальчика градом лил пот, он еле-еле переводил дух. Но вот он уже на полпути. Сатжан отдышался и посмотрел вверх.

— Пожалуй, дальше следующего выступа не залезешь, — решил мальчик. — А там идёт совсем гладкая стена... Нет, без аркана никак не обойтись. Ну, ничего, птенцы ещё

маленькие. Не улетят! Принесу аркан, тогда и достану.

Сатжан оглянулся вокруг. Отсюда, сверху, как на ладони, был виден родной аул. С пастбища к скотоферме тянулись стада. Первые коровы были уже в ауле. Доярки с ведрами готовились доить их. А вон виднеется ферма Ахмета, старшего пастуха. Здесь размещён молодой Сатжан с удовольствием подумал о том, что там гуляют и его питомцы. А весной в прошлом году это были совсем маленькие телята. Хороших телят сдают они с Шанаем Ахмету!

Внизу послышался звонкий голос Шаная: — Ау, Сатжан, куда ты запропастился?

Сатжан начал осторожно спускаться. — Ну, где птенцы? — встретил его Шанай. — Не достал? То-то, куда тебе!

— Подожди разнчить. Мы их обязательно доставим, — ответил Сатжан. Он посмотрел на солнце и пошёл поднимать тех телят, которые ещё лежали в траве.

Мальчики погнались стадо к аулу. Телята в ожидании обычной порционной порции молока всё ускоряли шаг. И скоро стадо было уже на скотоферме.

Колхозники гордились двором своей фермы. Его построили совсем недавно. Для каждого десяти телят были утеплённые отделения. Сатжан не позволял телятам одного отделения играть с другими. Они привыкли друг к другу и на выгоне тоже держались десятками. Мальчишкам стало гораздо легче пасти стадо.

Сейчас, как только Сатжан с Шанаем загнали телят во двор, каждый десяток направился прямо в своё отделение. Мать Сатжана, Зейне, уже поджидала их и наливала в корыта молоко.

Сатжан рассказал матери о птенцах. — Надо подождать немного, — ответила мать. — Сейчас они легко могут погибнуть... А когда вырастут у них пёрышки, позови с собой дядю, и он поможет тебе достать их.

Ночное путешествие

Каждый день мальчики пригоняли телят к заветной скале. И всегда они поглядывали на трещину, в которой было гнездо.

Однажды в яркий, солнечный день мальчики снова увидели двух больших птиц.

— Надо торопиться, — сказала Шанай, когда ястребы улетели. — А то, пожалуй, прозеваем птенцов. Вырастут крылья, они и улетят. Зачем нам ждать, пока твой дядя их достанет. Нужно самим взяться! Ты же мастер лазать по горам. А потом эта скала гораздо ниже Буркутты. Помнишь, мы на ней прошлый год всем классом поднимались?

Идти на скалу решили утром, как только займётся заря.

С вечера мальчики приготовили хороший аркан, два длинных шеста, крепкий ремень и верёвку. Спать они легли в саду.

Первым проснулся Шанай. — Вставай, уже рассветает! — разбудил он Сатжана.

Сатжан поднял голову, посмотрел на звёзды:

— Да, пора!

Аул мирно спал.

Друзья быстро оделись и направились к скале. Барбосар бежал следом за ними.

Когда они пришли в ущелье, солнце уже взошло. Не теряя времени, Сатжан первым начал подвём. Шанай последовал за ним. Когда они добрались до того выступа, на котором уже побывал Сатжан, из ущелья вылетели два ястреба.

— Ой, не птенцы ли это? — испуганно спросил Шанай.

— Что ты? Это только ягнята у архара на другой день после рождения уже прыгают по камням. А ястребам надо сначала отрастить перья!

— Как же мы дальше будем подниматься? — Шанай с опасением посмотрел на скалу.

— Для этого-то я и захватил с собой всё это, — сказал Сатжан и кивнул головой на вещи, которые лежали у его ног.

Он взял два шеста и крепко связал их ремнём, распутал аркан и сделал на одном его конце петлю. Петлю он прицепил к шесту. Потом мальчики при помощи шеста накинута аркан на выступ, расположенный выше трещины, в которой находилось гнездо. Сатжан дернул аркан. Петля держалась крепко.

— Готово, — сказал он Шаная. — Я полезу. А ты оставайся здесь, я буду тебе передавать птенцов.

Сатжан смело ухватился за аркан и стал подтягиваться вверх.

Вот и трещина. Вот он уже выше её. Мальчик заглянул в щель и увидел гнездо. Там, на мягком пуху, лежали два птенца. Они почувствовали опасность и громко запищали. В полумраке гнезда блестели их чёрные, как смородина, глаза.

Сатжан осторожно взял птенцов, положил их в шапку и обернул её платком. Потом он привязал этот узел к концу верёвки и спустил его Шаная...

В ауле уже давно все встали, когда мальчики подошли к дому. Коров выгнали на пастбище, пора было гнать телят. Зейне издали увидела Сатжана и погрозила ему пальцем, но тут подошёл дядя Серикбай.

— Да будет хватким твой ястреб! — приветствовал он мальчика. — Я сегодня встал рано и видел, как вы с Шанаем шли от ущелья. Я сразу догадался, что вы ходили за птенцами. Дай-ка я погляжу, какой они породы! — сказала дядя и взяла птенца в руки.

— Тебе повезло, Сатжан. Эти птенцы называются ительги. Видишь, у них чёрные линии на спине, длинные когти, а глаза чёрные и блестящие. Клыв будет острый и большой. Только вы немного поспешили взять птенцов из гнезда! Ну, ладно, берегите их.

Испытание

Приближалась осень. Стада перекочевали на осеннее пастбище. Телята Сатжана заметно выросли. Они перестали уже пить молоко. На новых кочевьях трава была сочная и густая. Телята с каждым днём поправлялись. Шерсть у них стала блестящей, уже появились зачатки рогов.

Мальчикам удалось вырастить для колхоза всех телят без потерь. Скоро они сдадут своё стадо пастуху. А потом начнут учиться. В колхозный центр, где находится школа, соберутся все товарищи. У каждого будет много интересных рассказов о лете. И Сатжан, конечно, расскажет о своём ястребе.

Ительги за лето подрос и превратился в большую, сильную птицу, с широкими и длинными крыльями. У ястреба уже появились повадки охотника. Он сидел спокойно на насесте, тугуре, который смастерил Сатжан, и зорко глядел по сторонам. Когда мимо дома пролетали дикие птицы, Ительги рвался вслед за ними. Но ремень удерживал его. А если в этот момент к нему подходил Сатжан, ястреб прыгал на его правую руку, махал крыльями и звонко кричал. Он проносился в воздух.

Как-то в юрту Сатжана пришёл дядя Серикбай.

— Ну, Сатжан, как поживает твой Ительги? — спросил он. — Ты его не очень закармливаешь? А то, знаешь, иногда бывает, что ястреб разжиреет и осенью улетит вслед за дикими птицами на юг. Дай-ка я посмотрю.

— Нет, я уже давно не даю ему мяса, — ответил Сатжан, — а со вчерашнего дня и вовсе не кормил.

— Да, он сильно проголодался, — сказал дядя, пощупав Ительги. — Как раз готов для охоты. Сейчас он решится вырвать мясо из пасти у самого волка. Надо его испытать.

Серикбай посадил Ительги на правую руку и вышел из юрты.

— Сбегай ко мне, — сказал он мальчику. — Возьми зайчю шкурку и кусок мяса. Ещё захвати верёвку подлиннее. А я пойду с Ительги на тот вон бугорок.

Началось испытание.

Дядя закрыл глаза Ительги. Потом он велел Сатжану завернуть мясо в шкурку, а к шкурке привязать верёвку. Когда ястреб взлетит, Сатжан должен бежать, волоча за собой «зайца».

В одно мгновение ястреб сорвался с руки Серикбай. Сатжан бросился бежать. Ительги поднялся ввысь, затем камнем упал на «зайца» и впился когтями в шкурку.

Подбежал дядя Серикбай.

— Нападает не хуже, чем беркут, — сказал он. — Мне почти не приходилось встречать таких. Ты счастливцев, Сатжан.

Дядя дал Ительги оторвать клювом несколько кусков мяса. Потом он посадил птицу на землю, а сам пошёл к аулу. Ястреб взлетел и стал парить высоко в небе. Уже подойдя к юрте, Серикбай позвал птицу.

— Бопым! Бопым! — и показал ястребу мясо.

Ительги послушно опустился на руку Серикбай.

— Экзамен выдержан, — сказал Серикбай Сатжану. — Ты ему не давай сегодня мяса. Завтра попробуем пустить его на уток.

Первая охота

В полдень Сатжан пригнал телят на отдых, наскоро поел и побежал к дяде.

Серикбай спокойно ответил на приветствие племянника. Затем спросил, как паслись сегодня телята, не засохла ли трава, не появились ли поблизости волки. «Наверное, забыла об охоте!» — с тревогой думал мальчик.

Но вот дядя кончил расспросы и сказал:

— Пойдём!

Они вышли из юрты. У дяди всё уже было готово к выезду.

Охотники направились к заросшему камышом озеру Кара-Су. Осенью, по дороге на юг, здесь отдыхают дикие птицы.

Под прикрытием тальника охотники тихо подбежали к озеру. Чтобы Ительги раньше времени не увидел уток, дядя закрыл рукой глаза ястреба. Обитатели озера заметили охотников. Стая быстрокрылых чирков поднялась с воды. Они понеслись быстро, как стрелы. Ительги замахал крыльями. Но, к удивлению Сатжана, дядя крепко держал в руках шнурок, которым был привязан ястреб. Он только поднял птицу повыше. Вдруг с озера медленно поднялись два селезня. Серикбай освободил ястреба. Ительги стремительно погнался за селезнями. Он поднялся кверху и с высоты бросился на птиц. Один из селезней с подбитым крылом упал на землю.

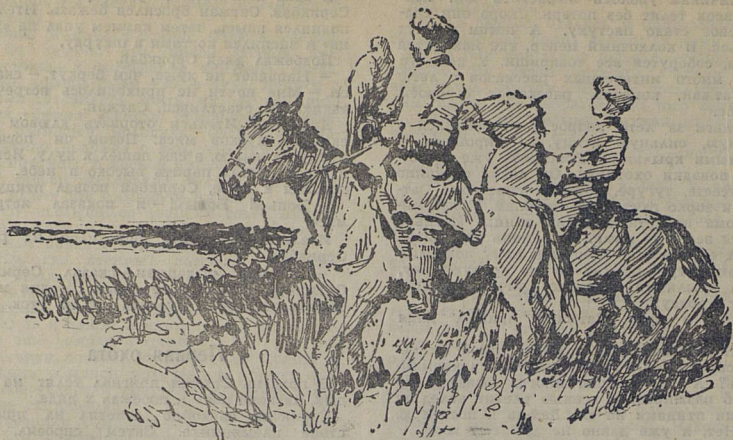
Дядя Серикбай раньше Сатжана подъехал к подбитому селезню. Не слезая с лошади, он поднял птицу и достал из охотничьей сумки кусок мяса.

— Бопым, бопым! — позвал он Ительги.

Ястреб уже привык брать пищу из рук и прилетел к Серикбай.

Сатжана удивило, почему дядя не пустил Ительги на первую стаю уток, тогда бы ястреб сбил не одну птицу. Но спросить он не рещался. Серикбай сам объяснил ему это.

— Чирок — самая быстрокрылая из птиц, — сказал он. — Часто ястреб не может её догнать и уходит так далеко, что хозяину потом не найти его. А твой Ительги — мо-

лодец! Славно взял свою первую добычу. Да ведь у тебя, Сатжан, это тоже первая добыча! Вези-ка её матери. Пусть устроит той¹, — добавил он, смеясь, и привязал селезня к седлу Сатжана.

Страшная ночь

— Завтра сдадите своих телят Ахмету, — сказал Сатжану председатель колхоза. — Я сам приду посмотреть на них.

Пастух Ахмет по достоинству оценил труды мальчиков.

— Видно, что вы не ленились, — сказал он, — спасибо вам. Эти телята легко перенесут зиму.

Довольный прибежал Сатжан домой и взглянул к своему Ительги. Ястреб прыгнул к нему на руку и звонко закричал.

— Понимаю, зовёшь на охоту, — сказал мальчик, поглаживая птицу.

Сатжан и сам подумывал об охоте. Тем более, что пастух Хасен рассказал вчера, что в заводях появились гуси.

Сатжан посади ястреба на тугур и вышел из дому.

— Жалко, что дяди нету дома! — Мальчик с грустью глядел на дорогу. — Не удастся сегодня поохотиться...

И вдруг он услышал крики гусей. Прямо над ним пронеслась большая стая. Сатжан не выдержал и бросился седлать Кунана.

...Когда Сатжан выезжал из аула, с севера подул сильный ветер. Но мальчик не замечал ничего.

Ястреб всё время вырывался из рук. Ему очень хотелось поохотиться за степными воробьями.

Солнце спускалось всё ниже. Сатжан तोпил коня. Но Кунан, на котором мальчик всё лето пас телят, не привык к быстрой езде.

Сатжан поехал напрямик, через поле. Но скоро он понял, что совершил ошибку. Хлеба давно были убраны. Даже солому, оставшуюся после комбайна, собрали и увезли. На пустынном поле охотнику негде было спрятаться, и гуси заметили приближающуюся опасность. Несколько птиц поднялись и с криком полетели прочь. Вдруг Ительги соскользнул с руки Сатжана и понёсся за гусями. Мальчик растерянно глядел ему вслед, потом ударил плёткой Кунана и поспекала за стаей. Гуси всё удалялись. Ительги не мог подняться над ними и упорно преследовал стаю. Гуси выпрямили строй и, подобно каравану верблюдов, один за другим потянулись над рекой. Ительги, летевший за ними, казался уже маленькой точкой. Сатжан испугался. А что, если Ительги пропадёт? Мальчик громко звал птицу. Он не думал даже о том, что на таком расстоянии ястреб не может его услышать. Всё сильнее гнал Сатжан коня. Но разве на коне догонишь птицу?

Гуси и Ительги пропали из виду. А Сатжан всё гнал Кунана и всё звал своего ястреба. Кунан покрылся пеной. Бег его становился всё медленнее. Скоро он перешёл на шаг.

Стемяло. Дул резкий, холодный ветер. На западе сгустились тучи. Пёс Барбосар шагал рядом с конём Сатжана. Он грустно смотрел на мальчика, будто хотел спросить: «Что теперь будем делать?» Сатжан слез с коня. «До дома очень далеко, — думал он. — Кунан устал, до аула ему теперь не добраться. Придётся здесь ночевать». По телу мальчика пробежала дрожь. Холодно!..

Где-то здесь заливные луга колхоза. На

¹ Той — праздник.

них стоят колны сена. Вот где можно укрыться на ночь и покормить Кунана!

Сатжан оглянулся вокруг. Но разве разглядишь что-нибудь в такой темноте? Мальчик нагнулся и провёл рукой по земле.

Скошенная трава! Значит, это и есть дуг! Сатжан отправился на поиски и вскоре увидел что-то тёмное. Это был стог сена. Мальчик вернулся в кусты и привёл к стогу своего коня. Здесь он спрятал Кунана от ветра, отёр пену с его боков, разнуздal. Кунан принялся жевать сено. Сатжан зарылся в стог. Варбосар устроился у его ног.

Скоро мальчик согрелся, но заснуть не мог. Не давали покоя мысли о пропавшем Ительги. Где-то он сейчас? Может быть, кто-нибудь уже поймал его? А может быть, он вернулся и ищет хозяина? Мальчику показало даже, что он слышит свист крыльев Ительги. Но нет, это ветер свистит.

Долго ворочался Сатжан. Кругом было тихо, только завывал ветер, да хрустело сено на зубах Кунана. Изредка ворочался Варбосар. Он, видно, к чему-то прислушивался. «Чуткий пёс! Не подпустит волка к коню». И с этой мыслью Сатжан укнул.

Приключения Шаная

Шанай был очень доволен: ему доверили важное дело — отвезти в район отчёт.

Когда Шанай собирался в дорогу, колхозный счетовод сказал ему:

— День уже клонится к вечеру. Лучше тебе захватить по дороге на опецферму, там переночуешь. А завтра утром пораньше отправляйся. К обеду вернёшься.

Шанай так и сделал. Он переночевал на ферме и чуть свет отправился в путь. Начался прекрасный осенний день. Шанай ехал берегом реки. Тучи уток и гусей поднимались с воды, когда мальчик приближался к ним.

Шанай вспомнил об Ительги Сатжана, вспомнил, как ловко схватил ястреб селезня. И ещё раз пожалел, что птенец, который достался ему, прожил всего три дня.

— Ну, ничего! Будем вместе с Сатжаном охотиться.

В районный центр Шанай приехал рано и сразу направился к дому своего друга и одноклассника Наримана. Мальчики не виделись с начала каникул. Новостей накопилось много, было о чём поговорить.

Ворота во двор Наримана были открыты. В куче соломы копались куры. Шанай хотел въехать во двор, как вдруг из-за забора вылетел ястреб. Он направлялся к курам. Заметив человека, птица круто повернула и села на край крыши.

Не отрывая глаз от ястреба, Шанай медленно приближался к нему. Ястреб перелетел на забор соседнего дома, и тут Шанай заметил на ноге птицы обрывок шнура.

— Да он, кажется, учёный!

Ястреб снова перелетел во двор Наримана и сел на дерево. Теперь Шанай уже не сомневался, что ястреб ручной.

Он спрыгнул с коня, привязал его и стал вдоль стенки подкрадываться к ястребу.

В это время из дому выбежал Нариман. Увидев товарища, он с радостным криком бросился к нему, и ястреб, напуганный появлением Наримана, перелетел на крышу сарая.

— Нет, так ничего не выйдет, — сказал Шанай. — Нет у вас кусочка мяса? Мы его сейчас поймаем.

Нариман побежал домой и скоро возвратился с куском мяса. Шанай, помахивая мясом, стал звать птицу:

— Бопым, бопым!..

Голодный ястреб увидел мясо и тотчас же спустился на руку Шаная. Мальчик стал разглядывать его. И вдруг узнал ремешок Сатжана, привязанный к ноге птицы.

Это действительно был Ительги. Вечером он долго летел за стаей гусей, но в наступившей темноте потерял их из виду. Теперь надо бы спуститься вниз и получить кусок мяса из рук хозяина. Но хозяина не было. Ительги покружился над кустами, нашёл ветку, похожую на тугур, и сел на неё.

Первое, что почувствовал ястреб, когда проснулся утром, был голод. Он поднялся высоко в воздух. Невдалеке растянулся большой аул. Ительги разглядел людей и радостно полетел к ним. Может быть, там хозяин? Ястреб стал парить над домами. Зоркие глаза его разглядели копящихся в соломе кур. Ительги полетел к ним. Тут-то и увидел его Шанай!..

Скоро Шанай закончил свои дела. Вместе с Нариманом они уложили в специальную сумку — куржун — письма, газеты, журналы, книги для аула. Куржун крепко привязали к седлу. Потом разыскали старую кожаную рукавицу. Шанай надел её на руку и сел на свою лошадку, Тоя. На его правой руке, цепко обхватив ногтями рукавицу, сидел Ительги.

Шанай пожал руку товарищу, подобрал повод и с гордым видом отправился в путь.

...Сатжан, вернувшийся утром в аул, с нетерпением ждал друга: ему хотелось поделиться с ним своим горем. Всё-таки легче будет. Он то и дело выходил на дорогу, но Шаная всё не было.

В полдень на дороге, ведущей к скотферме, показался всадник. Вот уже ясно видно, что это Шанай. Но что это у него на правой руке?.. Да это птица!..

И Сатжан побежал навстречу товарищу с криком:

— Ительги, мой Ительги!

— Да что ты! Это дикий ястреб. Я его поймал ночью, — посмеиваясь, сказал Шанай.

Но Сатжана не так-то просто было обмануть.

— Я своего Ительги сразу узнаю, — сказал он. — Лучшее скажи, какую награду ты хочешь за него. — И Сатжан протянул руку к ястребу.

— Бери. Только надень сперва рукавицу, — сказал Шанай, — а награду ты уж придумай сам!

Перевёл с казахского А. Марков

Сергей Тимофеевич Григорьев.

СТАРЕЙШИЙ ДЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

(К 75-летию со дня рождения С. Т. Григорьева)

Старожилы небольшого подмосковного городка Загорска хорошо помнят, как лет двадцать тому назад соберутся, бывало, на улице ребята и пускают змея, а среди ребят возвышается фигура пожилого человека с широкой окладистой бородой, с весело поблескивающими сквозь очки глазами. Это был Сергей Тимофеевич Григорьев.

Змей его особо сложной конструкции «дельта» летал очень высоко и вызывал всеобщее восхищение. Но не только поэтому лезли к Сергею Тимофеевичу ребята. Он рассказывал им о дальних странах и о давнем прошлом, о великих людях и умных машинах. Ребята любили слушать его беседы, любили читать и перечитывать его замечательные книги.

Уже тогда Сергей Тимофеевич написал для детей немало книг: «С мешком за смертью», «Тайна Ани Гай», «Белый враг», «Паровоз ЭТ-5324», «Красный бакен». Всё это были книги о гражданской войне. Правдиво и увлекательно описал он в повести «С мешком за смертью» приключения поездной бригады, посланной мурманскими рабочими в южные губернии за хлебом; в рассказе «Красный бакен» показал, как героически боролись с белогвардейцами советские матросы Волжского флота.

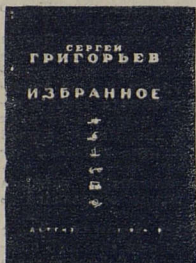
В то время советских детских книг было ещё очень мало. Сергей Тимофеевич понимал, как важно дать детям книги о борьбе советских людей за победу революции, за счастливое будущее. И хотя раньше он писал книги только для взрослых, он одним из первых стал писать для детей.

С тех пор прошло много лет. Давно выросли маленькими загорские приятели Сергея Тимофеевича; стали взрослыми людьми все его первые читатели. Но книги Сергея Тимофеевича попрежнему пользуются неизменной любовью детей.

В эти годы Сергей Тимофеевич неутомимо трудился и написал много новых прекрасных книг. Дети должны знать прошлое своего народа, и вот из-под пера С. Т. Григорьева появилась книга «Мальчий бунт». В ней он раскрыл перед ребятами одну из замечательных страниц русского рабочего движения. 7 января 1885 года в Орехово-Зуеве на мануфактурной фабрике купца Морозова началась забастовка. Вместе со взрослыми бастовали подростки, которых на фабрике было очень много. С большим мастерством показал С. Григорьев их жизнь и труд, борьбу с хозяином-капиталистом.

Кто из ребят не читал роман Григорьева «Александр Суворов»? Образ великого полководца встает в этой книге во всем своём величии и красоте. В аристократическом обществе Суворов — чужак, дерзкий, непочтительный насмешник. Для солдат, для народа он любимый герой, великий и вместе с тем близкий человек, требовательный и справедливый.

Любимый народный герой адмирал Нахимов показан С. Григорьевым в повести «Малахов курган», посвящённой обороне Севастополя.

Государственное издательство детской литературы выпустило сборник избранных произведений С. Григорьева. В него вошли: «Малахов курган», «Трудная земля», «Победа моря», «Красный бакен» и «Кругосветка». Здесь вы видите иллюстрации к этим произведениям.

МАЛАХОВ КУРГАН

В своих исторических книгах Сергей Тимофеевич так образно рисует солдат, матросов, простых людей, так правдиво передает дух того времени, что читатель как бы переносится в далекую эпоху.

«Я был в восторге, читая книгу «Малахов курган», — пишет ученик 5-го класса Иван Чегуев со станции Чусовой. — Я воображал, что будто это я сам — юнга Могученко-четвёртый защищаю свой родной город Севастополь. Когда я читал, мне вдруг делалось так грустно, что я закрывал книгу. Особенно, когда погиб адмирал Нахимов и когда взорвали погреба с порохом. Я не забуду смелых, отважных матросов и адмирала Нахимова. Я буду брать с них пример и постараюсь как можно больше пользы принести своей любимой Родине».

Книги Сергея Тимофеевича пленяют нас своей жизненной правдой, веришь каждому его слову, живо представляешь себе людей и события.

В этом проявился большой талант писателя-реалиста. Описывает ли Сергей Тимофеевич пейзаж, историческое событие, машину, труд мореплавателя, инженера, рабочего — обо всём пишет он с исключительной точностью и знанием дела.

Сергей Тимофеевич мечтал стать инженером. Мечта эта не осуществилась, но любовь к машинам, к технике осталась у Сергея Тимофеевича на всю жизнь.

Глубоко изучил Сергей Тимофеевич историю нашей Родины, исследовал архивы, отыскивая документы и факты. И сейчас читатели Библиотеки имени Ленина в Москве нередко видят его склонившимся над листами старинных книг и рукописей.

Писатель извездил чуть не всю Россию. Он забирался в самые глухие уголки, чтобы узнать, как живут там люди. Живому образному языку он учился у народа.

У Сергея Тимофеевича есть книга, которая дорога ему памятью об Алексее Максимовиче Горьком. Называется она «Кругосветка». В молодости Сергей Тимофеевич жил в Самаре. Там он познакомился и подружился с Горьким. Оба они очень любили детей. Вокруг них всегда собирались ребята с окрестных улиц. Однажды они отправились с этими ребятами в «кругосветное» путешествие на лодках по маршруту Самара — Волга — река Уса — Волга — Самара. С большой теплотой и юмором описывает Сергей Тимофеевич это путешествие. Он любовно рисует образ молодого Горького — в широкополой шляпе, в «хламиде», с большой суковатой палкой в руках, строгого на вид и необыкновенно трогательного в его любви к беззащитным детям.

Дружба Григорьева с Горьким продолжалась долгие годы. В одном из писем Сергею Тимофеевичу в 1926 году Алексей Максимович писал: «Думается мне, что уже и теперь у людей возникает, зарождается новый инстинкт, — инстинкт познания... Вообразите, что будет, если десятки и сотни тысяч людей воспылают страстью догадаться не о том, как удобнее, а о том, зачем жить...».

В своих книгах Сергей Тимофеевич стремится дать детям как можно больше знаний, привить им любовь к науке, развить тот «инстинкт познания», который, по мысли Горького, будет двигать вперёд коммунистическое общество.

Сергей Тимофеевич написал тридцать восемь книг для детей и около семидесяти книг для взрослых — целую библиотеку!

Сергею Тимофеевичу исполняется 75 лет. За плечами у писателя большая, плодотворная жизнь, впереди творческие планы. Он работает над второй книгой о жизни адмирала Макарова, задумал продолжение романа «Трудная земля». От имени сотен тысяч ребят-читателей мы говорим в этот торжественный день дорогому Сергею Тимофеевичу:

— Большое вам пионерское спасибо за то, что вы написали для нас столько замечательных книг. От всего сердца желаем вам долгого здоровья и плодотворного труда на долгие, долгие годы.

ТРУДНАЯ ЗЕМЛЯ

ПОБЕДА МОРЯ

КРАСНЫЙ БАКЕН

КРУГОСВЕТКА

А. Елагина

Смотри, на стене дома надпись: «Больница». Откроем большую, тяжёлую дверь и, тихо пройдя по коридору, заглянем в одну из палат. На постели сидит девочка в больничном халатике. Она пишет письмо: «Мамочка, дорогая! Сегодня я сама ходила по палате. Немножко разучилась ходить. Но доктор сказал: скоро опять научишься...»

Так пишет девочка, которую привезли в больницу в беспамьятстве. У неё было заражение крови. Это страшная болезнь. Она угрожает смертью. Но лекарство, которым лечили маленькую больную, спасло её жизнь.

Где же растёт целебное растение, из которого изготовляют это лекарство? Может, на лугу, как валериана? Может, в поле, как жёлтый донник? Или за ним, как за белым ландышем, нужно отправляться в лесную глушь?

Нет, его не встретишь среди луговых сочных трав, не встретишь в лесу и в поле. Но я покажу тебе старую апельсиновую корку. Забытая, она долго лежала в углу, и на ней вырос бархатистый пушок плесени.

Такой же зелёный пушок может вырасти и на чёрством ломте хлеба и на сыром кирпиче. Он может вырасти и в склянке с чернилами — везде, где поселится грибок зелёный кистевик, который по-латыни называют «пенициллиум».

О нём, о зелёном пушке плесени, я и хочу тебе рассказать.

Восемьдесят лет тому назад зашёл между учёными спор. Некоторые учёные думали, что из клеток зелёной плесени развиваются микробы, те, невидимые простым

глазом живые существа, которые несут человеку болезни. И доктор Манассеин решил проверить, справедливо ли обвиняют грибок.

Кончиком стального прокалённого пера он сел споры грибка в пробирку с питательной жидкостью. Там выросстал зелёный пушок. Вооружившись микроскопом, доктор начал «допрашивать» обвиняемого: не появились ли здесь вредоносные микробы? Их не было. Наоборот, Манассеин мог утверждать, что в пробирке с зелёной плесенью никогда не развивались вредоносные микробы. Плесень препятствовала их росту. Только один раз грибок сплеховал. Только один раз доктор Манассеин разыскал микробы среди тоненьких нитей плесени. Это было тогда, когда он посеял в пробирку старые споры грибка.

В те же годы, в том же городе Петербурге работал другой видный учёный — доктор Полотебнов. К нему в клинику поступил больной с незаживающими язвами на руке. Во время перевязки доктор Полотебнов приложил к язве матерю, пропитанную смесью, невиданной ещё в медицине.

Странная была эта смесь! Кусочки грибочки да зелёная пыль плесени. Её Полотебнов снял рисовальной кисточкой с позеленевшей апельсиновой корки и растёр в чашечке с миндальным маслом. Но именно эта странная смесь и помогла больному. Через два дня незаживающая язва зажила.

Доктор Полотебнов стал лечить зелёной плесенью и других больных, и тоже успешно. Он писал об этом в своих научных статьях. Он говорил, что нужно испробовать зелёную плесень для заживления операционных ран и гнойных нарывов.

Но Полотебнов не мог объяснить, почему зелёная плесень излечивает больных. Тогда наука была не в силах разгадать эту загадку.

В ту пору, когда доктор Полотебнов впервые в мире применил в качестве лекарства зелёную плесень, знаменитый охотник за микробами Илья Ильич Мечни-

ков был совсем молодым. С годами расцветал его талант, зрело его мастерство.

Мечников думал: в мире микробов, как и всюду в природе, идёт борьба за жизнь. Этой борьбой между микробами и может воспользоваться человек. «Враг твоего врага — твой друг», — говорит пословица. Микробы, которые убивают болезнетворных микробов, могут стать помощниками человека.

Если бы об этом услышал доктор Полотебнов, он бы понял, в чём заключается секрет целебной плесени. Микробы против микробов! Вот разгадка загадки, вот новое грозное оружие медицины.

Но в 1909 году, когда Мечников сделал своё открытие, доктора Полотебнова уже не было в живых.

Новый путь проложил в науке гений Мечникова. Закон борьбы между микробами, открытый Мечниковым, стали применять в своих работах учёные всего мира. Так сделал и англичанин профессор Флеминг.

В лаборатории микробиолога всегда увидишь плоские прикрытые крышками чашечки. Они наполнены питательным студнем — агаром. Это — как бы опытное поле микробиолога. Сюда он сеет микробы и, наблюдая за ними, узнаёт все особенности их жизни.

Каждое утро профессор Флеминг осматривал свои чашечки. И однажды он увидел, что в одной из чашечек выросло совсем не то, что он сеял. На поверхности студня нахально проступали пятна плесени. Здесь поселился непрошенный жилец — грибок пенициллиум. Он-то и испортил английскому профессору его посевы микроба золотистого стафилококка.

В чашечке со студнем шло сражение между грибом и микробом. Грибок теснил врага, грибок побеждал. Вещество, которое он выделял в питательную жидкость, убивало микробов. Это вещество по имени грибка пенициллиума было названо пенициллином.

Можно было развести пенициллин в 600—800 раз, и всё же он оказывался губительным для микробов. Но он недолго сохранял свою страшную силу. Старая плесень уже не могла убивать микробов. Первым это заметил доктор Манассеин; Флеминг полвека спустя, в 1928 году, повторил наблюдения Манассеина.

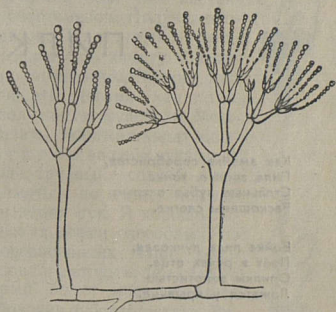
Тринадцать лет бились английские учёные над тем, чтобы превратить пеницил-

лин в лекарство. Им удалось сделать это лишь в 1941 году.

Ты знаешь, что в этот год гитлеровские полчища вероломно напали на нашу Родину. Ты знаешь, что главный удар приняли на себя солдаты Советской Армии. Ты знаешь, что Англия была нашим союзником. Но Англия не поделилась с союзником секретом изготовления лекарства, которое спасает жизнь раненых. Советские учёные решили эту задачу сами. Для этого им понадобилось не тринадцать лет, как англичанам, а меньше года.

Штабом советских охотников за микробами была лаборатория лауреата Сталинской премии профессора Ермольевой. Её сотрудники расставили в одном из московских бомбоубежищ чашечки с картофелем, смоченным слабым раствором медного купороса. Это были приманки для плесневого грибка.

Как только в чашечке вырастал зелёный пушок, его доставляли в лабораторию, на испытание. Здесь шла работа до глубокой ночи. Стоило вспомнить: ты можешь спасти жизнь раненых, жизнь тех, кто защищает Родину, — чтобы найти в себе силу побороть усталость.

Сильно увеличенный грибок пенициллиум.

Множество плесневых грибов испытала профессор Ермольева со своей сотрудницей Балезиной. И самым лучшим бойцом с микробами оказался грибок пенициллиум-кристозум. Из него и добыт советский пенициллин.

Есть дни, которые навсегда остаются в памяти. Боец не забудет тот день, когда, штурмуя недоступную высоту, он водрузил на ней красное знамя. А врач, учёный

испытывает свою радость победы, когда, склонившись над изголовьем больного, он может уверенно сказать: этот человек будет жить.

Первым больным, исцелённым советским пенициллином, был раненый боец. Его привезли с фронта в клинику московского хирургического госпиталя. В полевом госпитале у него вынули из груди осколок снаряда. Но рана не заживала. Микроб стафилококк продолжал разрушать кровь. Больной не приходил в сознание.

Но когда в заражённую кровь был введён истребитель микробов — пенициллин, сознание вернулось к больному, кровь очистилась от гноя, рана зажила.

Уже в первые два месяца лечения раненых пенициллином в московском госпитале удалось вернуть здоровье 1227 больным. Это была новая победа советской медицины.

Наш пенициллин не только убивает золотистого стафилококка, смертоносного микроба, который вызывает у человека

заражение крови. Наш пенициллин побеждает и других микробов — возбудителей дифтерии, менингита, воспаления лёгких, сибирской язвы и других болезней. Пенициллин можно вводить прямо в кровь, потому что этот убийца микробов безвреден для человека.

Теперь во многих больших городах нашей страны есть пенициллиновые заводы. Там грибок выращивают в огромных котлах. В таком чане помещается около тысячи вёдер питательной жидкости. В неё высевают споры плесневого грибка. Пройдёт пять дней. Грибок вырастет и выделит в питательную жидкость пенициллин. Чтобы получить очищенный пенициллин, питательную жидкость освобождают от грибочки, очищают химическим способом и высушивают.

Ты знаешь, в капиталистических странах трудно живётся рабочим. Там пенициллин могут покупать только богачи. В наших клиниках пенициллином лечат бесплатно. В Советской стране всё делается во имя счастья человека, во имя жизни.

ПИЛКА-ЗМЕЙКА

И. Даренский

Как змейка серебристая,
Пила звонка, тонка.
Стальные зубья острые
Раскошены слегка.

Бойка пила лучковая,
Поёт в руках отца.
Опилки золотистые
Ложатся у крыльца.

А сын-малыш любитесь,
Как зубья режут тёс.
Вот взял он доску новую,
К отцу её принёс.

— Ты отдохни немножечко! —
Сказал отцу Андрей. —
Возьми меня в помощники,
Дай пилку поскорей!

— Бери, раз есть желание
Учиться ремеслу! —
И сыну, как товарищу,
Отец вручил пилу.

Была такой послушною
В руках отца пила,
А у него запрыгала,
И вкривь и вкось пошла,

Как будто хочет вырваться
Из меленькой руки.
С такой пилой упрямою
Не отпилить доски.

— Пстой, сынок! Ты, вижу, взмок!
Напрасно так спешишь!
Ты, братец, без умения
Рабочих насмешишь!

Отец нехитрым правилам
Андрея стал учить:
Как брать пилу сподручнее
И как ловчей пилить.

Летят опилки брызгами,
Гудит, дрожит доска,
Пила запела весело
В руках у паренька.

БУДЬ ГОТОВ К ТРУДУ И ОБОРОНЕ

Случай с инженером

Было раннее утро. Погода стояла тихая, безветренная. На аэродроме Центральной метеорологической обсерватории готовился к старту большой субстратостат. Шли последние приготовления. Уже были погружены в корзину приборы для исследования высоких слоёв атмосферы. Постепенно наполнялась лёгким газом оболочка субстратостата — огромная серебрястая груша. Её с трудом удерживали на двадцати четырёх стропах рабочие обсерватории.

Вот сейчас экипаж займёт свои места. Прозвучит последняя команда, и субстратостат отправится в полёт.

Вдруг налетел сильный порыв ветра. Оболочка резко рванулась в сторону и натянула стропы так, что большинство рабочих не смогли их удержать в руках. Оболочка перевернулась в воздухе, теперь её удерживали только шесть строп. Налетит ветер ещё раз — и оболочка вырвется и улетит, унося с собой ценные приборы. Что делать? Как предотвратить аварию?

Кто-то предложил: «Надо прорезать оболочку».

Легко сказать «прорезать», а как до неё доберёшься?

Я смерил на глаз расстояние. Метров сорок, не меньше, если лезть по стропе. Правда, я ещё в армии занимался гимнастикой и хорошо лазал по канату. Мог без отдыха шесть раз подняться на шестиметровую высоту, работая при этом только руками. «Полезу», — решил я и обратился к директору обсерватории:

— Разрешите попробовать?

Он подумал и разрешил: другого выхода не было. Я снял китель, зажал в зубах ног и полез.

Лезу и думаю: «А вдруг сейчас снова ветер налетит. Унесёт меня вверх километр на пятнадцать...»

Думаю и стараюсь побыстрее лезть.

Наконец вот она, оболочка. Уже можно рукой дотянуться. Но резать ещё рано. Нужно подняться повыше. Газ лёгкий: ему надо дать выход вверх... Ещё несколько метров. Теперь можно. Только резать не прямо перед собой, а то газ ударит в лицо, ещё сорвет чего доброго. Я отклонился, как только мог, в сторону и ударил ножом. Понесся свист выходящего газа. Я быстро стал спускаться на землю.

Так были спасены и оболочка и приборы. Конечно, ни за что не удалось бы мне добраться до оболочки, если бы я не занимался гимнастикой.

Спорт я любил с детства.

А в армии стал уже настоящим спортсменом. Получил второй разряд. В это время я увлёкся лазанием по канату. Лазать можно по-разному. Можно подворачивать ногами канат так, что получается ступенька. Можно лазать, зажимая канат между ног и помогая себе руками. А самый трудный способ — это подниматься по канату при помощи одних рук. Я хорошо лазал всеми этими способами, но на соревнованиях чаще всего пользовался вторым, тем самым, который помог мне добраться до оболочки субстратостата. Видите, занятия спортом пригодились мне. Вам, ребята, может быть, никогда не придётся лазать по стропам субстратостата. Случай вроде того, о котором я рассказал, бывают очень редко. Но я уверен, что умение лазать по канату пригодится в будущем каждому из вас.

И. В. Старцын,
инженер Центральной
гидрометеорологической обсерватории

Привычка — вторая натура

М. Черевков

Если бы человек не приобретал полезных навыков и привычек, то его развитие остановилось бы. В самом деле, когда ребёнок учится ходить, каждый шаг требует от него большого внимания и сил. У школьника не хватило бы энергии на учёне, если бы ему было так же трудно ходить, как годовалому ребёнку.

А как трудны первые упражнения в письме! Писатели не смогли бы написать свои книги, а учёные — свои научные труды, если бы им было так же трудно писать буквы, как первокласснику.

К счастью, и письмо, и ходьба, и многие другие действия становятся твёрдо усвоенными навыками, и люди совершают их без излишней затраты сил.

Полезные навыки вырабатываются благодаря упражнению. Если вы изо дня в день будете повторять какое-нибудь действие, то оно станет привычным. А привычка станет потребностью, и в этом её сила.

Полезные привычки даются нелегко. Сначала нужны большие усилия воли, внимания и памяти, чтобы повторять изо дня в день в один и тот же час определённые действия. Но с того момента, когда это действие, которое требовало вначале больших усилий, становится органической потребностью, человек совершает его легко, без всякого усилия.

Вырабатывая в себе полезные навыки и привычки, вы тем самым развиваете свою силу воли. Такой привычкой у вас, ребята, должен быть правильный режим труда и отдыха.

Прежде всего приучитесь ежедневно делать утреннюю гимнастику. Это очень важная и нужная привычка, укрепляющая волю и физические силы.

После утренней гимнастики обязательно оботрите тело водой комнатной температуры или примите душ. Обтирание удобно делать мягкой мочалкой. После обтирания надо сейчас же насухо вытереть тело полотенцем так, чтобы кожа покраснела и почувствовалось приятное тепло.

Утренняя зарядка и холодное обтирание не только развивают организм, но и закаляют его. Поэтому ребята, регулярно делающие зарядку, не забнут на морозе и очень редко болеют.

Но чтобы зарядка вошла в привычку, вам надо делать её ежедневно, без пропусков. Для этого вам нужно приобрести ещё и другие полезные привычки. Вы должны приучить себя всегда во время — в 9—10 часов вечера — ложиться спать и вставать утром в 7 часов. В возрасте до 14 лет необходимо спать 9 часов. Если вы будете спать меньше, то это повредит вашему здоровью.

Приучите себя также к аккуратности. Какое бы дело вы ни делали, всегда доводите его до конца, не отвлекаясь. Закончив какое-нибудь занятие, аккуратно уберите все вещи на своё место. Так же аккуратно убирайте одежду, когда раздеваетесь, и постель по утрам. Не воруйте у себя драгоценное время.

Для подготовки уроков и чтения книг, для спорта и прогулок, для завтрака и обеда должны быть отведены точно определённые часы. Все великие люди умели организовать своё время. Так, например, академик И. П. Павлов был настолько точен, что соседи проверяли часы, когда он выходил из дома на ежедневную прогулку.

Правильный режим поможет вам вырасти волевыми, сильными людьми.

Ещё до снега, по первому морозцу, залейте ледяную дорожку и поупражняйтесь в скольжении по льду. Только смотрите: не падать!

Это вам очень пригодится, когда вы встанете на лыжи. На первой же прогулке вы быстро освоитесь с лыжами и легко подготовитесь к сдаче норм на значок БГТО.

Э С Т А Ф Е Т А

Повесьте на стену две мишени: два фанерных круга диаметром в 30 см. В пятнадцати метрах от этой стены проведите на полу черту.

Две команды выстраиваются в другом конце зала, каждая из них получает теннисный мяч.

По сигналу игроки, стоящие впереди каждой команды, бросают мячи в мишень, отскочивший мяч ловят и снова бросают в цель. Каждый игрок должен сделать три броска и передать мяч следующему игроку своей команды.

Соревнование продолжается до тех пор, пока все участники не сделают броски.

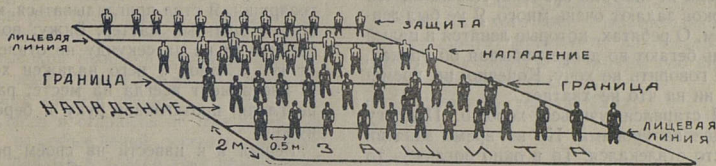
Судьи из ребят должны следить за попаданиями в мишени. Каждое попадание — очко.

Иногда бывает так: у одной команды больше

очков, но зато другая раньше закончила эстафету. Кто же победитель? В таких случаях надо считать за очко каждые 5 секунд выигрыша во времени.

Б Е Р Е Г И С Ь М Я Ч А

В этой игре, разбившись на две команды, может участвовать весь отряд. Разделите чертой физкультурный зал пополам. На полу каждой половины прочертите ещё по одной черте в двух метрах от стены. На этой черте выстраиваются защитники каждой команды.

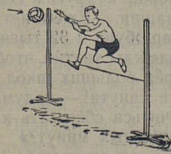
Нападающие рассыпаются по площадке. На рисунке показано, как выглядит поле перед началом игры.

Раздаётся свисток. Нападающие обеих команд стараются попасть мячом в кого-нибудь из игроков противника. Тот, кому не удалось вернуться от мяча, выбывает из игры. Только защитники всё время остаются на своих местах. Они стараются поймать мяч и быстро передать своим на-

падающим. Если кто-нибудь из игроков одной команды нарушит правила: перейдёт границу, ударит по мячу ногой или допустит грубость, — противник получает право на штрафной бросок. Нападающие провинившейся команды отходят в стороны. Один из игроков другой команды бросает мяч, стараясь попасть между защитниками команды, нарушившей правила. Они в это время не имеют права ловить мяч. За удачный штрафной бросок команда получает два очка, за попадание в игрока другой команды — очко.

Победителем считается команда, набравшая больше очков. Игра длится семь минут, потом объявляется перерыв. После перерыва команды меняются местами и играют ещё семь минут.

С умеешь ли ты?

Прыгая, поймай мяч, брошенный тебе навстречу товарищем.

С разбега перепрыгни через вращающуюся скалку так, чтобы не сойти с нечерченной на земле узкой дорожки.

СОВЕТ МЛАДШЕМУ ТОВАРИЦУ

Мы получили письмо от московского школьника Сени Коломойцева. Сеня пишет:

«Дорогая редакция! Почему мне всегда не хватает времени? Другие ребята и учатся хорошо, и пионерские поручения выполняют, и в кружках занимаются, и гулять успевают. А мне всё некогда. Я целый день сижу за уроками».

Ответить на это письмо мы попросили комсомольца Михаила Тимофеева. Михаил Тимофеев — шифровщик, стахановец завода имени Владимира Ильича, учится в восьмом классе вечерней школы, член цехового бюро ВЛКСМ.

Вот что он пишет.

Дорогой Сеня!

Твоё письмо меня не удивило. Когда я учился в ремесленном училище, мне тоже всегда не хватало времени. Казалось, что уроков задают очень много. Я не был лентяем. О ребятах, которые ленятся и целый день бегают во дворе, забывая об уроках, я и говорить не хочу. Конечно, им времени ни на что не хватает.

Я старался учиться хорошо. Подолгу сидел за уроками. Но во время занятий часто отвлекался. То в окно погляжу, то радио послушаю, то какую-нибудь книгу постороннюю почитаю, то с приятелем поговорю. И выходило, что времени я тра-

тил много, а пользы от этого было мало.

Когда я пришёл на завод, повторилась та же история: мне не удавалось сделать за смену столько деталей, сколько делали товарищи. Я стал приглядываться, как работает опытный мастер. Вижу: во время работы он ни на секунду не отвлекается от нее. Станок у него налажен хорошо. И инструмент всегда на месте; рабочий, не глядя, протягивает руку и берёт, что нужно.

Решил и я навести на своём рабочем месте строгий порядок. Сначала было трудно привыкнуть всегда класть инструмент на место. Зато, когда это удалось, я на каждом движении руки стал экономить по несколько секунд. Из сбережённых секунд складывались минуты, часы, недели. Я подсчитал, что делаю теперь за неделю столько деталей, сколько раньше делал в полторы. И я понял, что порядок — надёжный сторож времени.

Скоро результаты работы опять перестали меня удовлетворять. Мне захотелось научиться работать ещё лучше. Я стал читать книги о стахановцах. Тут, Сеня, я узнал удивительные вещи. Оказывается, токарь-скоростник Быков обрабатывает за смену полтора километра поверхности металла. А во всей стране каждую минуту добывается 1426 тонн угля, выплавляется 111 тонн чугуна, сходит с конвейеров 75 тракторов и других сельскохозяйственных машин. Ежеминутно производится 2200 пар обуви и 32 тысячи метров ткани. Этой одежды хватит, чтобы одеть учеников четырёх больших школ.

«Так вот как дорога минута! — подумал я. — Как же мне научиться берегать как можно больше драгоценных минут?»

Книги помогли мне до тонкостей из-

Ел, читал, решал задачу,
Уделил вниманье матчу:
Матч — ведь тонне не пустяк,
Пропустить нельзя никак.
...Пусть читатель сам решит,
В чьи ворота гол забит.

учить свою профессию, свой станок. Познакомили с передовыми методами труда. Я понял, что внимание и сосредоточенность во время работы — залог успеха, и стал воспитывать в себе эти качества.

Теперь я работаю так: когда мне принесят новую деталь, я внимательно рассматриваю чертёж, хорошо продумываю, как обрабатывать деталь, с чего начать. На первый взгляд может показаться, что при этом пропадает драгоценное время. Но на деле минуты, потраченные на тщательную подготовку, сэкономят мне часы во время работы. Как только я включу станок, мне уже не надо будет отвлекаться. Чертёж перед глазами, инструменты под рукой, процесс обработки продуман до мелочей. И я работаю спокойно, не отрываясь, сосредоточенно. Каждая секунда расходуется с пользой... Сейчас я даю две нормы в смену.

После работы на заводе я учусь в школе. Невозможно без прочных знаний овладеть высокой техникой наших заводов.

Всё, чему я научился на производстве, помогает мне и в учёбе.

В классе я стараюсь не пропустить ни слова из объяснений учителя. Хорошо прослушанный в классе урок намного облегчает самостоятельную работу над учебником. Дома, прежде чем сесть за задания, я подготавливаю своё «рабочее место». Всё лишнее убираю со стола. Оставляю только нужные учебники и тетради и складываю их справа от себя стопкой. Сверху кладу учебники по самым трудным для меня предметам. Трудные задания и письменные работы я делаю в первую очередь. Открыв учебник, я сначала припоминаю, что слышал на уроке, и только потом начинаю читать заданное.

За уроками я сижу до тех пор, пока мне всё до мелочей не станет ясно.

Во время занятий, как и во время работы у станка, я стараюсь ничем не отвлекаться. Только когда одно задание выполнено, я откладываю учебники в сторону и отдыхаю. После отдыха принимаюсь за следующий предмет.

Ты пишешь, Сеня, что тебе не хватает времени на пионерскую работу. Мне трудно это понять. Как бы ни был я занят, у меня всегда найдётся время для комсомольской работы.

Привыкнуть к строгому режиму мне удалось не сразу. Один день у меня было

мало дела, другой — слишком много. Но я старался даже в самые трудные дни не нарушать распорядка дня. Теперь у меня остаётся время и на занятия спортом, и на кино, и на чтение книг.

На твоём месте, Сеня, я продумал бы как следует, что именно тебе мешает распорядиться временем, проверил бы, куда оно у тебя уходит.

Попробуй как-нибудь в течение дня точно записать, сколько времени ты потратил на каждое дело, и ты увидишь, когда время у тебя ушло с пользой, а когда впустую.

Чтобы сберечь своё время, составь, посоветовавшись с учителем, распорядок дня.

Я уверен, если ты будешь твёрдо выполнять его, если наведёшь порядок в своих вещах, чтобы их не приходилось подолгу разыскивать, если научишься заниматься сосредоточенно и внимательно, то у тебя хватит времени и на пионерские дела, и на спорт, и на интересную книгу, и на домашние дела.

Желаю тебе успеха, Сеня!

Михаил Тимофеев

Затерялся на вена
След второго башмана,
Не отыщешь и тетрадки
В этом страшно беспорядке...
Целый час он всюду рылся,
В школу позже всех явился.

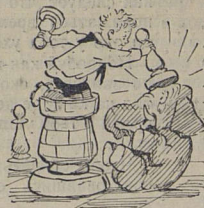
ПОЛКОВОДЕЦ

Рисунки Ю. Узбякова

СОДЕРЖАНИЕ

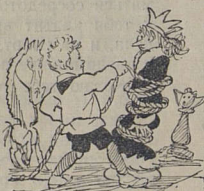
1. Сейчас обдумую комбинацию...

2. Сначала отразить наступление противника...

3. Потом перейти в атаку...

4. Взять опасную фигуру...

5. Окружить короля...

6. ...и заставить противника сдаться!

Под знаменем Октября	1 стр.
Баллада об Октябре. — Стихи Елены Баасиной. Рисунки В. Цельмера	2 „
Рассказы о Пакистане. — Николай Тихонов. Рисунки Г. Фидипповского	4 „
Дети мира за мир. Подарок Сталину. Солдаты мира. — Стихи Георгия Рублёва	14 „
Ленинский завет	15 „
Воронок. — Рассказ В. Антохиной. Рисунки В. Константинова	17 „
Неугасимый огонь. — Очерк Н. Александровой	21 „
Зоя. — Отрывок из поэмы Назыма Хикмета. Перевод М. Алигер	23 „
Выстрел. — Рассказ А. Уреевского. Рисунки Б. Винокурова	25 „
Дела омских юнатов. — Е. Рубцова	28 „
Пионеры на заводе. — Стихи Г. Торшчева. Рис. В. Орлова	35 „
В гостях у москвичей	37 „
Маленький Кит и большая Селёдня. — Эскимосская сказка. Анатолий Ольхов. Рисунки Ю. Кискичи	38 „
Город твоих друзей. — А. Дорохов. Рисунки Ф. Лемжуля	40 „
Илья Ефимович Репин. (Из личных воспоминаний.) К. Чуковский	44 „
Сатжан. — Рассказ Сапаргали Бегалина. Перевод с казахского А. Маркова. Рисунки Евг. Васильева	49 „
В мире книг	54 „
Как грибок лечит людей. Рисунки П. Рябова	56 „
Пилка-змея. — Стихи И. Даренского	58 „
Будь готов к труду и обороне. — Рисунки Я. Титова	59 „
Совет младшему товарищу. — М. Тимофеев. Рисунки В. Сутеева	62 „
Полководец. — Рисунки Ю. Узбякова	64 „
Наш календарь	III стр. облож.
По пути из школы... — Рисунки В. Сутеева	IV стр. облож.

На обложке: рисунок Ю. Жукова „Задача решена“.

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Маркова С. Е., Орлов В. И., Печникова З. И., Прилежаева М. П., Смирнова В. В., Шмаринов Д. А., Щипачёв С. П.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

Подписано к печати 19/X 1950 г. Изд. № 668. Бум. 82 × 110. Занав 2512. А — 07156. 76 999 экз. в печ. листе. Объем — 8 печ. л. Тираж — 100,000 экз.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, улица «Правды», 24.

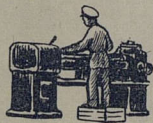
Ж а ш календарь

ЗОЛОТЫЕ РУКИ

В дни Великой Отечественной войны на один из уральских заводов приехал принимать снаряды полковник-артиллерист.

— Я знаю,— сказал он после приёмки,— что много ваших лучших токарей ушло на фронт. А завод с каждым месяцем выпускает всё больше снарядов. Кто же у вас так хорошо работает?

Полковника провели в цех. Он увидел у токарных станков подростков в серых форменных курточках. Для некоторых из них пришлось устроить на полу возвышение из ящиков — иначе им не дотянутся до станка. Но работали эти ребята не хуже взрослых.

Это были воспитанники заводского ремесленного училища. В трудные военные годы они помогали Родине бороться с врагом, заменяя отцов и старших братьев у станков и машин. «Золотые руки у наших ребят», — любовно говорили о них седые мастера.

В ремесленных училищах учатся ребята, которые хотят стать хорошими токарями, слесарями, шахтёрами, ткачами, машинистами, строителями. Самые опытные стахановцы передают им своё мастерство.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР» был опубликован десять лет назад, 2 октября 1940 года. За это время училища подготовили несколько миллионов молодых рабочих всех специальностей для советской промышленности и транспорта.

ОБЩЕСТВО ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Взгляни на карту мира. В самых различных уголках земного шара ты увидишь русские

имена. Моря и проливы, горные хребты и острова названы в честь отважных русских путешественников, которые впервые нанесли их на карту.

Русские люди первыми исследовали самые труднодоступные районы Центральной Азии, открыли десятки островов среди вечных льдов полярных морей и в водной пустыне Тихого океана. Наши исследователи первыми высадились на берегах ранее неизвестного материка Антарктики.

Сто пять лет назад, 19 октября 1845 года, в зале Академии Наук собрались крупнейшие русские путешественники и учёные. Они основали Русское Географическое общество, чтобы общими силами вести изучение Земли.

Многo замечательных экспедиций провели члены Географического общества. П. П. Семёнов Тянь-Шанский подробно описал обширную горную систему Тянь-Шань. Он был первым европейцем, проникшим в эту часть Азии. Н. М. Пржевальский открыл высочайшую горную цепь Тибета. Н. Н. Миклухо-Маклай был первым учёным, изучавшим жизнь папуасов на островах Новой Гвинеи.

Но особенно много делают экспедиции Всесоюзного Географического общества для изучения огромной территории СССР.

Недавно вышла новая географическая карта нашей Родины. Если сравнить её с прежними, то увидишь, как много сделали советские географы. С. Обручев уточнил положение Яблонового и Станового хребтов в Забайкалье. На карте Арктики появились острова «Комсомольской правды», остров «Пионер», занял своё точное место на карте Северная Земля.

Но страна наша так обширна, что в ней есть ещё много неисследованных мест. Члены Географического общества выполняют огромную задачу: они помогают ещё лучше узнать нашу Родину.

ПОЛКОВОДЕЦ-БОЛЬШЕВИК

В России шла гражданская война. Под Уфой сражались с белогвардейцами полк иваново-вознесенских рабочих. В самый разгар боя кончился запас патронов. Неужели придётся отступить?

В это момент к цепям наших стрелков подсакали несколько всадников. Один из них спешился, схватил винтовку раненого бойца и с громким возгласом «Ура, товарищи! Вперёд!» под градом пуль побежал навстречу наступающим белым офицерам.

Это был командующий войсками Южной группы Восточного фронта Михаил Васильевич Фрунзе. Бойцы его сразу узнали. «Фрунзе вперёд!» — пронеслась весть по цепи.

У красноармейцев не было патронов. С одними штыками бросились они на врага. И так велика была сила героического подъёма, что враг дрогнул и побежал.

До революции М. В. Фрунзе был одним из руководителей «подпольной» организации большевиков. Иваново-вознесенские ткачи хорошо знали и любили М. В. Фрунзе. После Октябрьского переворота рабочие выбрали его председателем исполкома.

Когда началась гражданская война, партия послала Фрунзе на фронт. Опытный революционер стал талантливым и смелым полководцем.

Выполняя сталинский план разгрома белогвардейцев и интервентов, Фрунзе одержал много побед над войсками Колчака, освободил от вражеских банд Среднюю Азию и Крым.

Михаил Васильевич Фрунзе умер двадцать пять лет назад, 27 октября 1925 года. В память об одном из лучших своих полководцев советский народ переименовал город Пишпек, где родился Михаил Васильевич, в город Фрунзе.

По пути из школы...

В. Сутеев

1. Скорей домой! Меня дома мама ждёт.
2. Интересно: чьи это следы?
3. Пойду по следу...
4. Оназывается, это наш Бобик!
5. Бобик, смотри: птица! Почему она не улетела в тёплые края?
6. Какой хороший мяч! Надо попробовать...
7. Удар!
8. Я, нахается, заблудился...

9. Но это не страшно: определюсь по компасу.
10. Эти малыши, наверно, не занимаются гимнастикой. Надо их научить. Начинаем зарядку: «Раз! Два!».
11. Вы куда: в Дом пионеров? А я не могу с вами: мне ещё обедать надо и уроки учить.
12. Бобик, не задерживай меня!
13. Наконец-то я дома! Мама, не волнуйся: я пришёл.